

Александр
Фирсов

Тина
Шанаева

УБИТЬ ГЕРТРУДУ

Александр Фирсов

Убить Гертруду

«Издательские решения»

Фирсов А.

Убить Гертруду / А. Фирсов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969865-0

Если покровителем наступающего года будет Черный дракон, ваша жизнь может стать непредсказуемой. Загадывать желания в эти дни надо со всей осторожностью, ведь неизвестно, к чему приведет их исполнение: к невероятной любви и бесконечному счастью или к темным провалам порока и безумия. Каким станет один год из жизни героев, найдут ли они то, о чем мечтают, или всё покатится под откос? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969865-0

© Фирсов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая.	7
Глава вторая.	12
Глава третья.	18
Глава четвертая.	25
Глава пятая.	29
Глава шестая.	32
Глава седьмая.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Убить Гертруду

Александр Фирсов

Тина Шанаева

Корректор Надежда Соболева

Иллюстратор Ксенон

© Александр Фирсов, 2019

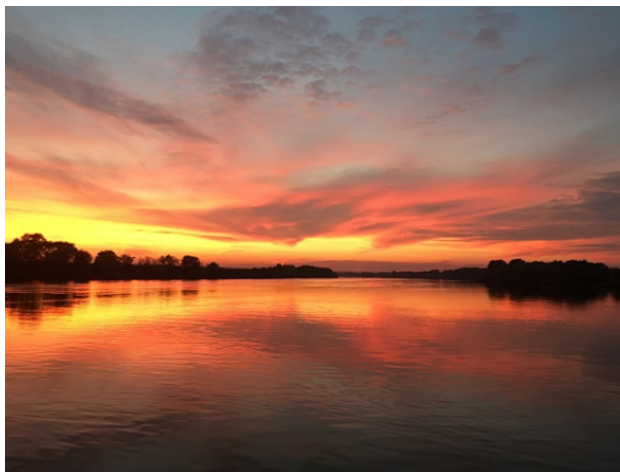
© Тина Шанаева, 2019

© Ксенон, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9865-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Мелодия летела впереди, как эхолокация, и очищала путь от нестерпимых загрязнений атмосферы перекрестными звуковыми волнами, мешавшими сосредоточиться на сигналах от многочисленных адептов Сюаньлуна. Собственно, его полет не был утомительным, но территория русского севера всё-таки требовала дополнительного внимания. Такого засилья военной электроники в этом регионе Черный дракон от русских не ожидал и очень волновался за судьбу своей белой супруги Байюны, пожелавшей по старинке отложить заветное яйцо в подземный тайник Кольского полуострова. Сюаньлун один знал подводный вход со стороны Баренцева моря, и он бережно сопровождал несравненную роженицу. Байюну. А ее то и дело тянуло танцевать: она набирала высоту, раскидывала крылья и начинала вращаться, как балерина, наращивая скорость. Сюаньлун трепетно ее подхватывал, подставлял свои крылья, и она ложилась на них отдохнуть, а он взмывал так высоко, что снега сливались с облаками. Наконец, глубокой осенней ночью состоялось событие драконова века: яйцо будущего легло на древний магический трон. Байюна осталась в пещере, а Сюаньлун решил вернуться к берегам Китая, чтобы начать готовить свою империю к свершениям драконова года. Но, пролетая над Россией, он то и дело улавливал многочисленные призывы обратить внимание на русских, всячески запускавших в эфир желания получить в 2012 году заботу и помощь Сюаньлуна. Ему даже удалось услышать одно из лучших посвящений своей персоне, написанное неким Василием Смелянским:

В темных глубинах, где воды чудачат,
Где северных скал дном основанный трон,
Гармонию, мир, доброту и удачу
Познал сокровенный дракон.
Ночь неизбежно сменяется утром,
И каждый, познавший и штиль, и тайфун,
Станет и веским, и щедрым, и мудрым,
Как Черный дракон Сюаньлун!
Правда любви может стать и законом
Для жизни, где более ценят бои...
Даруй же нам, небо, гений дракона
И крепость его чешуи!

Глава первая. На ровном месте

Дождавшись выходного дня, наш герой отправился в одно широко известное место, в котором, впрочем, сам он никогда и не был. В подмосковный городок устремлялись паломники со всего белого света, настолько притягивал их монастырь, возведенный в раскольничьи времена как обитель покаяния и спасения. Антон постарался заранее собрать информацию: родители, педагоги, даже и друзья по очереди рассказывали ему, какой красоты там подземная церковь и хоровая ротонда в главном храме. Сокурсники вспоминали, как ездили туда петь, и уверяли, что никогда прежде не слышали такого чистого классического звучания. Городок находился в часе езды от Москвы на электричке по Nn-ой дороге. Утренняя дремота побуждала соскальзывать в сон, но не мешала замечать за окном живые, стройно заполнявшие это направление леса, манившие безлюдной глубиной.

Пристанционная вокзальная площадь была усеяна разноцветными уютками такси, и парень быстро сговорил машину. Благо цены были вполне демократичные, а таксисты, в большинстве своем местные жители этого же самого городка, на первый взгляд проворны и скоры. К подходу электропоезда они уже дежурили на выходе с платформы, крутили ключами и зазывали клиентов.

– Эй, дембелек, тебе куда? – окликнул Антона крепкий парень в песочном прикиде защитной куртки, которую обычно надевают в деревнях на рыбалку, и таких же штанах, позаметней истрепанных, со вздутыми коленками, но все-таки годными для извоза.

– Мне... Да тут недалеко... В Дом культуры местный, он где-то в километре от станции, как мне объяснили. – Антон не хотел, чтобы ему накрутили двойной тариф.

– Садись, – приветливо кивнул ему парень и двинул к машине. – Он у нас один в городе, а если надо в какой-то другой Дом культуры, то за тридцать верст найдешь поселковый рассадник ночных дискотек. Так тебе какой? – Он с пол-оборота раскусил пассажира, догадался, что тот прибыл первый раз в их городок и что можно слупить теперь вдвое. «Нехорошо», – подумалось Антону, но он покорно поплелся к зеленой шестерке. Водила уже щелкал ключами зажигания, вдетыми в брелок, рубиновую капельку сердечком. Открыл водительскую дверь, сел в салон авто и воткнул ключи в замок зажигания. Парень еще раз взглянул на этот брелок, раздумывая, ехать ли с этим местным героем гонок за хорошей жизнью. И подивился манящей странности брелока, что его даже слегка развеселило: в набегавшей на него нерешительности капелька сердца все сомнения устранила и уговорила. Человек, можно сказать, доверился магии сердечного огонька в новой обстановке и новых обстоятельствах с новыми людьми.

В зеленой шестерке замок зажигания, в отличие от всех современных машин, находился слева. Это так удивило и поразило Антона, что он помялся еще с какое-то время возле водительской двери, взирая непонимающим взглядом на водителя, вальяжно выжидавшего в защитном камуфляже, он придерживал добротным полевым ботинком нараспашку открытую дверь, так что она выгибалась даже немного к левому крылу машины. Петли двери были обильно смазаны родным дедовским способом – пушсалом, с застывшими в веках ключьями черно-мутной мазутной смеси.

– Тебя как зовут, братан?

– Антон.

– Ты что, вчера слез с бронепоезда? Ну и тормозной. А меня Серега зови. Мы же не банк едем грабить. Садись!

– Да в электричке, видно, укачало... – И Антон скорехонько вметил себя в сиденье рядом с Серегой.

За пять минут крутых виражей по разбитой дороге Серега успел рассказать о жарких разборках местных Монтекки и Капулетти, – но не подумай чего! – до первой крови. О своем заветном слогане «эй, прокачу!», лишившем не одну подростковую блондинку девичьей скромности, о коварстве соперников-таксистов, так что пассажир не успел зевнуть, как таксист развернулся возле широких ступеней искомого Дома культуры.

Архаичный махровый купеческий стиль начала прошлого века, прилизанный бело-розовой известью, предъявлял претензии на дворянское гнездо, призванное облагораживать здешнее население. Возле ступенек расчерченная стоянка для подъезжающих машин, как в аэропорту, более-менее дисциплинировала господ владельцев автомобильных кредитов. Серега в два счета высадил Антона и мгновенно вильнул задком своего жигуленка. А наш герой, задрав голову на монументальные колонны, так и казалось, готовые обрушиться на доверчивого искателя культурных ценностей, пытался разобрать на фронте надпись, по которой можно было определить, что это все-таки тот самый Дом культуры. Взглянул на часы: запаса времени до назначенной встречи оказалось еще около часа. Куда деваться? Посчитал ступени парадной лестницы и открыл тяжелую дубовую дверь ДК. Просторное холодное фойе подмигнуло тусклым софитом. Огляделся и заметил вахтершу, сидевшую за внушительным столом эпохи пленумов и съездов. Просверлившая вошедшего насквозь взором профессиональной гадалки, она жеманно произнесла:

– Новенький что ли? В оркестр? Тебе назначено?

Антон поспешно с поклоном ответил:

– Да, – с какой-то ни с того, ни с сего всплывшей на поверхность бронхитной хрипотцой.

Самозваная гадалка дружелюбно взмахом руки очертила направо:

– Поднимайся, там уже один из ваших сидит, непрерывно занимается, один!

Он решил подняться по лестнице, схожей с подъездной, не спеша, считая ступени, прошел первый пролет, увидел перед вторым пролетом площадку, откуда просматривался скромный зал с зеркалами для юных танцовщиц. Не заглядывая, поднялся выше и через пару схожих пролетов уже входил на самый верхний этаж, кстати, темный и тревожный, без признаков освещения. Почему в таких заведениях на самом верху повсеместно не горит свет, это никому непонятно. На площадке прорисована одна дверца, будто из сказки Буратино, и ведет она в кабинет администратора, а дальше уже идет деревянная лесенка, мансардная, на дополнительный этаж, похоже, достроенный для персонажей Карабаса Барабаса. Деревянная лесенка одним шажком упирается в дверь, за которой упрятан настоящий зал для репетиций духового оркестра. Репетиторий! Антон остановился возле этой двери и невольно стал прислушиваться к звукам, которые доносились сквозь ее тщедушную фанеру. Собственно, дальше нужно было бы войти, но некоторое время он пребывал в странном оцепенении, будто следующий решительный шаг выкинет его в некое неведомое и опасное инобытие.

«Стою... Почему стою? Что мне мешает войти? – спрашивал Антона его неуверенный ум и сам отвечал: – Слушаю звуки... – Не прибегай к отговорке. – А ты не толкайся, успеем!» – и беседа с самим собой вызывала у него облегченную улыбку.

– На чем, на чем там играют, за дверью, гобое или английском рожке? У них тембр очень похожий...

– Да что со мной?.. – Всего лишь потянуть дверь за ручку и войти.

Неужели я не отгадаю? Нет, надо приложить ухо к двери, надо еще раз хорошенько прислушаться.

Предчувствие, томящее своим немеряным колодецем, куда улетали, слабея, и возвращались навстречу мысли и звуки, зацепило где-то в области диафрагмы. Антон не раз мысленно нырял в этот колодец, заведомо зная, что нет у него ни конца, ни начала, нет чистого защитного пространства, подсказки, с которой можно и нужно было продвигаться вперед. Вот и здесь

он стоит и судорожно ищет причины, которые могли бы его оправдать за робость на ровном месте...

Он так бы и держался один в полутьме коридора, сгорбившись на деревянной лесенке с низким потолком для марионеток. Но всё-таки попытался чуть продвинуться вперед и еще сильнее согнулся. Зато удалось приложить ухо к двери, послужившей наушником, и напряженно вслушаться.

Долетал звук неровный, не в меру колеблющийся. Низкие ноты постоянно срывались, было понятно, что музыкант не дотягивает длинную ноту и рассыпает звучание. Выдох обрывался придавленным визгом, а он берет и берет инструмент в зубы и продолжает играть, уже в другой октаве, повыше, в надежде исправить положение, но и там звук долго не тянется, нота срывается в более высоком тембре. Слышно, как воздух колеблет звуковой невроз, кто-то одиноко закипает от неудач. Если бы еще кто там находился рядом, то исполнитель вел бы себя сдержанней, спокойней, а теперь просто распыляет себя по пустяшным своим оплошностям!

Прошел уже десяток минут, а Антон всё так же стоял и слушал, слушал, слушал, пытаясь мысленно подсказать и исправить звук...

– Эй, – вдруг неожиданно полупшепотом донеслось из-за спины, в него вонзился молниеносный вопрос. – Кто там, кто это?

От неожиданности и страха он резко обернулся:

– Ой...

– Ай, больно!

Столкнулись нос к носу. Она вздрогнула, всмотревшись в визави тем неподготовленным взглядом, какой вылетает в редкие минуты откровения наедине с собой.

Но они тут же отстранились, отпрянули друг от друга, каждый быстро нащупав свое личное защитное поле.

У Антона влетело в извилины: я где-то уже видел это лицо, эти глаза... Глаза очень знакомы... Откуда они мне знакомы? Видимся первый раз в жизни, а кажется, будто только что вынырнули из прошлой забытой судьбы. «Такое бывает», – последние два слова он проговаривает вслух...

– Что, простите? – Она услышала фразу, вернее, прочитала по губам. – Я к вам на... пару репетиций. Буду участвовать в концерте.

«Запинаюсь? Я? Откуда такой неуверенный тон?»

– Новогодний? – она спрашивает с легкой улыбкой.

– Да... откуда узнала?.. – Черт, черт, черт, как всегда невпопад!

Смеется...

Очарование ее улыбки и желание удержать этот смех подбодрили его в этот миг. Рассказать бы всё-всё про себя и даже больше: что играет на кларнете; что приехал в их Дом культуры из Москвы на электричке; что только летом пришел из армии, а теперь ищет работу; что всё ему в этой встрече по нраву!

Тут он услышал шорох барабанных палочек. Знакомство прервали с десяток башмаков, рассыпью стирающих по ступенькам пыль с подошв.

Антон стоял спиной к двери и первым увидел, как толпа музыкантов поднималась по детской лесенке. Бойко и весело на ходу они приветствовали девушку, и он успел пожалеть, что ему не хватило пяти минут закрепить знакомство, притопали так не вовремя. А она отвлеклась и больше его не слушала. Он неловко посторонился, вжался в перильца и пропустил всех, склонявших головы перед низкой дверью.

Наконец, пришел и его черед поклониться перед входом в зал. Первое, что хотелось рассмотреть, – инструмент, который звучал за дверью.

Гобоист – первое, что пришло на ум. Точно! Усердно занимается... На разложенном металлическом пульте стоит стеклянный пузырек, наполненный водой и тростями, он то и дело

касается раструбом края пульта, и от покачиваний пузырек должен вот-вот упасть, разбиться; но этого не происходит, а на его колебания неприятно смотреть.

Антон отвел от него взгляд, нашел глазами свое рабочее место и поспешно к нему прошмыгнул как опоздавший школьник, положил пока что зачехленный инструмент на стульчик, рядом с которым стоял пульт, где уже ждала его папка первого кларнета.

Повесил куртку на крючок самодельной вешалки и уже смело стал осматривать репети- торий.

Это была не такая уж большая комнатка, тем не менее вмещавшая тридцать чело- век духового оркестра. По периметру громоздились распахнутые шкафы, как в армейской казарме, но висела в них сценическая форма. Сверху, над каждым из комплектов форм, лежала фуражка, с синей ленточкой и с бронзового цвета кокардой. Еще выше над формой висели шкафчики с плохо закрученными петлями, дверки не держались, были расшатаны, а кое-где их и вовсе не было. Все нижние полки были забиты нотами.

Никакого особого знакомства с музыкантами и тем более с девушкой-гобоисткой не про- изошло, первая мимолетная встреча на лестничной клетке была скомкана. Волнение улеглось, спряталось куда-то вглубь запомнившихся впечатлений. Музыканты кивнули друг другу фор- мально, как принято в начале занятий.

Репетиция длилась два часа, разделенная двадцатиминутным перерывом, воспринима- лась вполне себе плодотворной. Молодой, но, сразу видно, амбициозный дирижер уверенными взмахами обеих рук направлял за собой оркестр.

Сидя в первом ряду напротив дирижерского пульта, вгрызаясь в нотный текст, краснея за допущенные ошибки, Антон играл на кларнете, таком родном и до боли знакомом ему инструменте. Но в этот раз что-то мешало: не давал сосредоточиться неизъяснимый подъем в груди, рожденный непривычным смущением, поднимавшимся из глубин позвоночных нер- вов, он обрастал и вырывался наружу неровным звуком.

Дирижер посмотрел на новичка еще раз, не останавливая оркестр; это помогло, Антон овладел собой.

– В чем причина?.. – Со школьных уроков сложившаяся привычка задавать себе вопросы подбрасывала Антону камни. Может быть, из-за классической посадки оркестра? Нет, это вздор!

Впереди по правилам сидели кларнеты, по левую руку валторны, по правую флейта и многострадальный гобой. Ну а за спиной, в самом последнем ряду, бас, ударные и трубы. А кто в середочке смотрит сквозь первый ряд на дирижера и сигналил новичку? Как бы с наме- ком подводил он сам себя к ответу. Конечно же, это могла быть только она – на саксофоне.

Воображение обжигало! «Я уже на что-то рассчитываю? Я уже начал играть в свои фан- тазии? Приехал в оркестр всего на две репетиции, чтобы сыграть единственный концерт, а уже нацелился на некое интимное знакомство с той, к которой, похоже все липнут. Может быть, поэтому она так поспешно складывает саксофон и убегает вниз?»

«Наплевать и забыть; отыграть один концерт, уехать, убежать без оглядки», – думал Антон, стараясь не оборачиваться в ее сторону.

«Уеду обратно, постараюсь не вспоминать, забуду! Но почему, почему так маниакально восстает перед глазами ее улыбчивое лицо? А если она так же взволнованно думает о том же, что и я? Влечение в плену моих иллюзий занимает меня настолько, что почти непобедимо, я не могу с ним бороться. Случай, известный всем, ищущим свои половинки. Нечаянный испы- тующий взгляд, обращенный к тебе, как островок сердечной надежды, записывает в память полунамеки: что вот она, она непременно!

Взгляд ее синееющих глаз – образ, прорвавшийся наружу из далекого детства, я его пом- нил в реальной жизни, в движении детских полузабытых ласковых впечатлений. Взгляд, дума- ющий и побуждающий думать.

Боюсь его и вождеую. Ощутимо пережитая мечта, которую оставляю потаенной, загадочной, кроткой, интимной...»

Антон уехал, отказавшись от банкета в честь уходящего года, которому по традиции был посвящен отчетный концерт. Быстренько сложил инструмент, переделся и, получив у дирижера причитающийся за две репетиции и один концерт гонорар, благополучно сбежал. Сбежал со всех ног, унося с собой легкое сожаление от одержанной над собой победы. Чтобы потом себя не раз упрекать за это.

И уже без всяких такси успел на последнюю московскую электричку...

Глава вторая. Китайские фонарики

*Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым...*

А. Ахматова

Дорога после концерта домой продержала Антона в тревожном возбуждении, мысленно он внимательно просматривал лица тех, с кем пришлось играть, и ему нравились эти люди. Большинство были в том возрасте, когда увлечения ослабевают и замещаются каким-нибудь необременительным хобби. А эти оркестранты буквально выкладывались в деле. Всё-таки тридцать человек, добровольно играющие в духовом оркестре, – явление незаурядное, тем более что умудряются сохранять тонус творческой радости. Им вместе было хорошо, комфортно, и это привлекало к ним внимание зрителей. Но Антон среди них был чужой, пришлый. Позовут ли его еще? Это волновало, он допускал такую возможность, даже больше – позволил себе помечтать. Дома, несмотря на усталость, еще долго не мог заснуть.

Словно апрельской ночью, овеванной первым весенним теплом, в поздний час ты не спешишь вернуться домой, а сидишь подолгу на улице, вдыхая пахучий свежий воздух. Наедине со звездами не хочется никуда идти, хочется замереть в их сиянии и побыть одному... Обычно он брал велосипед и часа два катался, радуясь неведомо чему. Это чувство вернулось к нему еще на концерте, и он привез его с собой в свою маленькую холостяцкую квартиру. Антон забыл, когда радовался без видимых причин, а тут была нечаянная радость, так неожиданно нашедшая его, что он не мог ее определить, осознать и назвать. Еще день назад он думал, что основательно повзрослел, повзрослел настолько, что мог понимать и просчитывать обстоятельства своей жизни далеко вперед. Но, лежа в темной комнате с плотно зашторенными занавесками, за которыми бурлила предновогодняя суэта, он очень хотел беззаботных детских впечатлений, сплошь освещенных фейерверками и бенгальскими огнями. Он тоже хотел участвовать в празднике, как все другие люди, шедшие навстречу друг другу в бесконечном потоке новогодних приготовлений. Кто-то уже возвращался с ворохом пакетов и коробок, кто-то шел из гостей через соседний двор, допустим, в двадцать пятую квартиру, на восьмой этаж, в свою огромную семью, где уже накрыт новогодний стол и сияет всеми ветками живая нарядная елка. У людей Новый год. А у Антона полумрак одинокого убежища без какого-либо намека на праздник. Само собой, он решил, что завтра непременно встанет пораньше и пойдет искать хоть какую-нибудь серпантинную хлопушку. С этой утешительной фантазией утомленный герой и смог, наконец, уснуть.

– Неужели сегодня 31 декабря? И что делать? – Эта мысль буквально подбросила Антона из одеял. Было так рано, что он мог бы еще наверстать дремоту часа на два, но возникло ощущение, что должен куда-то бежать, например, провожать-хоронить хорошего друга. Выпив кофе и намеренно тепло одевшись, парень вышел из дому с намерением не просто пройтись, а как следует измотать себя в праздничных проводах приручившего его жизнь к самостоятельным решениям старого года. Упругие ноги уже на выходе из подъезда знали, куда повернут. «Семь верст не крюк», – подбодрил он себя и целенаправленно пошел в парк вдоль канала имени Москвы. Со всех сторон уже неся ему навстречу залиvistый детский смех, сыпались шутки-прибаутки взрослых; расцветали улыбки и теснились по тротуарам нарядные санки, коляски, а смешные маски и мишура вращивали с каждым часом атмосферу праздника.

И нахлынули воспоминания детства...

Когда-то и он радовался, как эта беззаботная ребятня: зачеркивал в календаре числа, считал дни до новогоднего волшебства, бежал к елке утром первого января, там старшего и младшего братьев всегда ждали подарки.

– Новые санки, здорово! Идем кататься с горки! – кричали они с братом друг другу, и домашние их приглашали во двор, где сводила с ума веселая горка. А ближе к вечеру братья с родителями шли к бабушке и дедушке. Дед переодевался в Деда Мороза, и мальчик не мог понять, кто это? Спрашивал у родителей и бабушки:

– Где мой дедушка?

– А дедушку вызвали на работу, – звучал серьезный ответ.

Дед устраивал детям конкурсы, дарил подарки самые заветные, чего у них никогда не было и что оба обязательно хотели заполучить на Новый год. Как он это делал? До сих пор загадка...

И вот опять Антон в парке, сам не заметил, как его воспоминания из детства привели к открытой эстрадной сцене, разбитой среди большой поляны. На поляне развернули ярмарку. Продавали всякую всячину: леденцы, игрушки, шары, серпантины! Он, конечно, выбрал себе хлопушку, спрятал в карман. Но все-таки больше, неодолимо, без шансов продолжить свою прогулку его занимала сцена! Пять минут разгорались гирлянды, украшая световыми волнами миниатюрный занавес. Заиграла музыка из тех простецких песенок, которые неизбежно всплывают к празднику. Снег, снежок, белая метелица... Антон попал к началу представления, уже созревшим поверить в любое предновогоднее волшебство. Три человека облачились в костюм дракона, рядом сияла голубым одеянием девушка, держала в руке азиатский веер, а чуть поодаль, возле микрофонной стойки, высился на котурнах рассказчик.

– Друзья, а вы верите в новогодние чудеса? – послышался в микрофон голос ведущего. – Древняя китайская легенда гласит: наступающий год пройдет под знаком черного дракона. Дракон может быть щедрым для тебя, но может оказаться злым и даже жестоким! А самое главное, дракон очень любит, когда в посвященном его величеству году люди дарят друг другу подарки просто так, не ожидая благодарности от того, кому ты подарил, или ответного подарка, подношения... И если в его году ты дарил подарки, был честен с людьми, он обязательно увидит твою щедрость, оценит все за и против. Дракон хорошенько подумает и выполнит самое заветное желание по воле того, кто больше всех ему приглянулся! Но есть одно но: он может на тебя и рассердиться, если ты сделал что-то не то, что-то ошибочное, что ему сильно не понравится. Он грозно восстанет против тебя, обманувшего чье-либо великодушие и благородство...

Эх! Все мы неизбежно вырастаем, перестаем верить во всякие там волшебные превращения и предсказания, отмечаем от себя даже самую мысль о чуде, простодушную попытку испытать судьбу. Но где-то в закоулках сознания всё же теплится наивная мечта сорвать джекпот! Выиграть сногшибательный приз, не купив при этом лотерейного билета. Вместо лотерейного билета судьба предлагает шанс, пожалуйста, попытайся его использовать, сообрази, как действовать. А кто проморгал, не пеняй на обстоятельства, если сам пропустил, не реализовал или вовсе не заметил...

Спектакль закончился, китайский дракон и девушка с веером удалились за красочные кулисы, и тут же на площадку эффектно выбежала танцевальная группа. Всё тот же импозантный ведущий многозначительно их представил как вестниц будущего года. На два притопа, три прихлопа русской «Калинки» Антону хватило минутки, и он отправился дальше бродить по нарядному парку. Светило зимнее солнце, искрился иней в воздухе, под ногами бодряще поскрипывал снег. Он выпал еще вчера и мягко устилал непротопанную тропинку, на которую парень свернул по привычке ходить одному куда глаза глядят. Само собой возникло желание запомнить зимнюю красоту: сама природа, откликаясь на людскую атмосферу праздника, нарядила ели пушистым убранством. Снег на ветвях переливался и играл на солнце, давая

взгляду любоваться всеми цветами небесной радуги, будто за ночь по мановению волшебной палочки кто-то повесил на них новогодние гирлянды.

Тропинка уводила его всё дальше и дальше от сцены, от шоу, из этого парка в собственный мир, выдуманный и созданный в оправдание своей жизни, для примирения с ней и осмысления произошедших событий.

А нужно ли усматривать особый смысл там, где игроку случайно подфартило?.. Не естественней ли просто поддаться общему веселью, поехать к друзьям, хорошенько наддаться, захмелеть до такого состояния свободы, когда и море по колено?!

Так он и сделал. Позвонил сослуживцу, и всю новогоднюю ночь друзья до одури пили-гуляли, почему-то с особой страстью поочередно лупили в большой барабан. Давний хороший красотуля-приятель, Лёня-войка, после боя курантов высунул в форточку свою армейскую трубу и на всю пока что пустынную улицу, в унисон телевизору исполнил гимн страны.

Дичающий ритм веселья необузданно бушевал прежде всего в их возбужденных от передоза мозгах. Глубоко за полночь аудиосистема с пьяной руки Лёни-войки, надрываясь на полную катушку, выплевывала жесть электронной музыки. Антона уже развезло настолько, что он умудрился запрыгнуть на праздничный стол и выкидывать там несусветные коленца. За ним полезли и другие гости, обнимаясь-целуясь, раскачивались и приседали, пока дружно не свалились на пол. Повозились-повозились, да так и остались лежать в изнеможении до самого позднего утра.

Заспанное до забвения утро первого января плавно смеркалось в вечер. Пока ехал в метро, наш гулена чувствовал себя приложением к вагону, способным только спать и спать. На полу вагона, подгоняемая ходом поезда, перекачивалась пустая бутылка из-под шампанского, характерный символ выброшенной в прошлое новогодней ночи: опорожнили феерию праздника, и вся недолга... Похмельная пустота напоминала культовый шедевр кинематографа «Иронию судьбы», вот, мол, что ты приобрел: чужую компанию, чужие страсти-мордасти – и ничего для своей души. Всё было не то!.. Хотелось другого, своего!..

Догнала его в метро покаянная мрачноватенькая скука...

Как не проспал свою станцию? Подскочил к уже смыкающейся двери и просунул вперед себя пакет с початой бутылкой коньяка, огурцом, жареным окороком. Сим-сим, откройся! Верный метод удержать на ходу пневматические двери.

Да уж, не получился у Антона Новый год, о котором возмечтал по-детски, он признавал это честно, разглядывая прохожих: есть ли безмятежно счастливые лица, кому удалась новогодняя ночь? Нет таких прохожих. Осмотрелся: бомж, всем своим обмякшим телом подпирающий колонну метрополитена, еле держится и трясется. Коробит мужичка, как при треморе, а он пытается спрятать всего себя в куцее рваное пальтишко. Шапки нет. Голову, обмотанную ветошью слипшейся волосни, он втягивает в жалкий кроличий воротник, а руками пытается удержать на себе сползающие штанишки. Тремор изводит, точно, допился до Паркинсона. Некоторое время Антон смотрит на него с отвращением, но осаживает себя и спрашивает:

– Мужик, а ты веришь в новогодние чудеса?

Бомж отреагировал не сразу, голову чуть высунул из-под воротника, смотрел на незнакомца пугливо, молчал...

Антон опять к нему, но уже с доходчивым вопросом:

– Есть у тебя стакан?

Без слов пляшущими руками достал свой пластиковый боевой стакан, изобразил подобие улыбки. Антон без тормозов вынул ему из пакета коньяк, налил с лихвой, аж с краев закапало, вручил огурец:

– пей, брат, лечись, говорю!

Выпил не глядя, опрокинул, как стакан воды. А парень ему огурчик на закусочку!

Мужичок ободрился, в глазах появился просвет: вот это поворот! Вроде ожил...

– Спасибо, – прохрипел он сиповатым баском.

Трясучка сникла, свернулась куда-то вглубь его жалкого тельца.

– Давно здесь обитаешь?

– Давно...

– Как хоть звать?

– Колян.

Тянет руку, поздороваться хочет. Чумазый, вонючий, с заплывшим от голодной «диеты» и водки блином вместо лица, потерявшим реальные черты.

– Детдомовский я. Нигде не срослось по-людски жить. Потом... В палатке летом жил... Как холода, так сяды.

А ведь всё равно человек. Имя есть. Кто-то его родил. Был дом, какой-никакой. Может, и недоговаривает чего... Не хочет. Его право. Может, из детского дома по тюрьмам... Неважно...

– Давай, Колян, держись! Пусть тебе повезет в наступившем году!

Антон протянул ему бутылку и сверток с уже общипанным окорочком. Он жадными руками схватил всё, оглянулся, спрятал за пазуху. А даритель убежал не глядя, без рукопожатия...

В пакете, предназначенном для ужина, пусто. Есть нечего совсем, зайти бы в магазин... Поймав себя на этой первой необходимости, из метро Антон прямехонько протопал в ближайший продуктовый. Просмотрел прилавки, сверил со своим кошельком – так не хочется покупать бич-пакет...

Может, недорогие пельмени? Холостяцкое импортозамещение, дешево, сердито...

Возле холодильника вплотную изучил ценники, где хоть что находится? Непонятно.

И тут неожиданно мужской бархатный, старчески поврежденный, но очень притягательный голос начинает читать стихи:

– Мне говорят, что нужно уезжать. Да-да. Благодарю. Я собираюсь...

Антон как отрезало от ценников, поднял голову, увидел деда в элегантном сером пальто по моде середины прошлого века, стилигу в белой рубашке и красной бабочке. Онемел от восхищения: тощий как мотылек, небольшого росточка, с глазами кисти Врубеля, в темно-коричневом берете, он загадочно улыбался сухонькими губами, куда там Джоконде.

– Да-да. Я понимаю. Провожать не следует. Да, я не потеряюсь... – вспомнил Антон деду в ответ.

Ромбик его лица растянулся в благодушной улыбке. Да, невозможно оторвать восхищенного взгляда от этих колдовских неведомо-скольких-летних черт. Антона буквально осенило с фантастическим встречным продолжить говорить и его слушать.

Тут они и взялись промеривать весь магазин от начала до конца, беседа исключительно стихами. В какой-то момент добрый молодец даже взял деда под руку, помогая ступать махонькими детскими шажками. А у него корзинка, и он всё набирает и набирает в нее продукты... На кассе дедушка, как истинный джентльмен, обсыпав комплиментами продавщицу, протягивает Антону пакет и неожиданно властно произносит:

– Бери! Он твой!

Тот слова не мог возразить, словно во сне, забрал...

Он поспешно повернулся к продавщице, как будто никого и не было рядом. Хозяйка торгового зала, покрасневшая, веселая, и правда тотчас стала красавицей, будто бы сама только что зашла в тепло с мороза, так сияла здоровьем! Мгновенно отсчитала и ссыпала в дедов кошелек его сдачу.

У Антона неожиданно мелькнуло: «Если он мне захочет еще сдачу предложить, со стыда сгорю, это уже слишком».

Но дед, будто угадав смущение спутника, сдачу спрятал в кошель, отправил его в нагрудный карман, аккуратно поправил на себе кашне и бабочку.

«Пронесло».

Словно сказочные персонажи новогодней ночи они вышли на улицу.

– Морозец какой знатный! – после некоторого молчания проговорил вдруг дед.

Тогда остановись на миг —
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра.
Над белым запущенным садом,
И небо – книгу между книг...

Дед еще некоторое время беззвучно пошевелил губами и замолчал. Антон исподволь быстро глянул на него и изумился его загустевшему взгляду, будто видевшему на сетчатке нечто, недоступное простому уму. И задумался о своем. О том, что мог что-то очень важное пропустить, не заметить. Не обрести.

Как строчки неведомого, не признанного стихотворения, которое захотелось заново услышать, впустить в себя, выучить...

Они задрали головы и дружно одновременно посмотрели вверх. От них поднимался матовый пар. Или дым! Да, дым – стихотворный костер запылал за версту по кольцу отшумевшей Москвы!

– Дед! Ты вернул меня в праздник! Спасибо! Постараюсь не забыть.

– Зачем? Не заморачивайся, иди.

– Никогда тебя не забуду!..

– Сынок, иди домой, холодно, и я пойду, завтра детишкам стихи читать, не хватало еще горло простудить.

– За что пакет? – Антон вернулся с небес, вопросительно взглянул деду в глаза.

Ответа не последовало, дед только улыбнулся, похлопал по плечу, развернулся и спешно стал перебирать свои маленькие шажки как воспитанный мальчик, опоздавший вернуться к ужину.

Проводив его глазами до угла соседнего дома, Антон вдруг почувствовал сильный озноб. Продрог до костей, однако. Пора вернуться, согреться, срочно поесть. Среди домов-близнецов его дом следующий. Как он их второпях перепутал? Подошел как бы к своему подъезду, а ему навстречу выбежала кошка: хвост трубой, мурлычет, ластится к ноге; тоже дымится от мороза и тоже просит есть. Антон в пакет. Порылся: о-о-о, нарезка копченого мяса, ей точно придется по вкусу! Кусочек по кусочку, кусочек по кусочку... Всё, что кидал, до мелкоты хватало с мерзлого асфальта... Бросил последний, а она, не доев, наутек – объелась, бедолага!

Горячий душ и вкусный ужин впереди. Пакет бо-ольшой! Хрустит на морозе. А сбоку форму пакету подпирает огромная бутылка. Ко всему прочему глянул – дорогуший коньяк...

Дед щедро одарил, не поскупился! Похоже, заговорил его стихами! Вот интересно, сам-то он, сидя за ужином, сокрушается, что столько денег потратил на незнакомца?

Импровизируя на заданную тему, дома он додумался связать эти две встречи: с бомжом и загадочным дедом. Как там в гороскопе от китайского дракона? Дари подарки, будь щедрым с людьми, не ожидая ничего взамен. И не знаешь, где потеряешь и что без труда обретешь. Раздался хлопок петарды, за ним еще, окно кухни осветила ало-лиловая вспышка пущенного

с улицы фейерверка. Дождь искусственного света вторгся в потускневший двор, преобразив его в площадь ночной фантастики. Иллюзорная реальность пересеклась с густеющей ночью, подкачав в молодые мышцы бодрости и жажды приключений. Точно, пора искать продолжения банкета! Бомж, поэт, кошка являлись ему поочередно, направляя в один только Богу известный сюжет. Пора преодолеть глупость понимать всё буквально: сам есть хотел, бомж есть хотел, дед набирал, что повкуснее, в корзину, кошка чуяла еду... И она накормлена. Ура-а-а-а!!!

Глава третья. На столичной помойке

Странное, глупое упрямство требовало от молодого искателя приключений какой-нибудь выходки, да хоть драки, хоть бега по крышам! Воспаленный азарт подталкивал к выбросу сил: развернись, плечо, раззудись, рука! Но четвертый день нового года не принес ни малейшего намека на раскрутку свежего детектива... В который раз Антон вышел из дому искать, сам не зная чего... Где?.. Куда?.. Зачем?.. С утра до вечера бесцельно слонялся по улицам с ощущением собственной придури: дурак не в силах уgomониться. Не мешало бы задуматься, почему он быстро терял направление, не отыскав ключа... Эврика, пиратская карта не найдена! С долей едкой самоиронии он вернулся домой. Для чего шлялся? Что искал? Какие такие ключи? Ах да, нашел сундук. Сущая правда, набрел на кованый сундук, брошенный возле мусорных контейнеров. Пустой? Нет, ну дурак! Открыл, глянул: ворох старой литературы... Захлопнул обратно. Зря, надо было хоть взять и почитать, что забыли люди в общем запутанном прошлом.

Затея покопаться в сундуке снова вытолкнула его наружу. И всё бы ничего, прошли бы без особых последствий эти скитания, неясные, навеянные ночными искрами петард ожидания... Так вот он заметил человека: стоит чуть впереди Антона и на опущенной крышке мусорного бака перебирает... книги. Одет неважно. Без шапки. Из кожаных двойников? Впрочем, это уже не имеет значения, ты тоже сам не знал, что высматривал на помойке.

– А кто оставляет здесь все эти книги, интересно? – проговорил Антон вслух и пожалел было: ну кто меня за язык тянул? Незнакомец обернулся. Русая ухоженная борода-эспаньолка, круглые очки непонятно как удерживаются на кончике носа. Здравствуйте, Антон Павлович Чехов. Прямо-таки классика, запечатлел жаждущий впечатлений мозг.

– Кто их знает... Приносят все кому не лень. А я, бывает, прихожу выбрать для своей библиотеки.

Прилично смотрится, доброжелательно смотрит, словоохотлив. Не из Достоевского типаж, это точно! Антона потянуло поговорить, и они действительно разговорились непринужденно, как старые приятели, которые всю жизнь были знакомы друг с другом, но чуток подзабыли, когда последний раз встречались. Как рыбаки, однажды накопавшие червей на одной грядке, узнают друг друга через десятки лет. Несколько слов, сказанных о книгах, об авторах, и собеседники признали друг в друге библиофилов.

– И вас совсем... то есть... совсем не смущает брать вот все эти книги в руки с помойки?

– Гм... Чего здесь можно стыдиться? Всяких популярных дамских книг я не читаю! – твердо возразил незнакомец, поправив очки. – Здесь можно отыскать настоящие сокровища, исследования, путешествия, классику, научные обзоры.

Видно, говорит продуманно. Держит – простой и в тоже время очень ясный. Антону тоже свойственно искать, искать, искать. Но, в отличие от него, он не мог сформулировать что. Можно ж в любом возрасте копать и искать напрасно... Разница в возрасте – лет десять-пятнадцать, не меньше, но Антон рядом с ним школяр. Печать элитарного благородства обретает, если дано учиться на свалке!

Черновиком прошедшего драконова года стала для них сегодня помойка, и тем интересней. Отпали ненужные стеснения, отсохли формальности... Плевать словами не возбраняется! Ведь ими так много исписано хороших книг! Правда, хлама еще больше. По определению. Кто не брался за перо? Антон надеялся найти ответ на вопрос: что такое книга? Почему она просится быть написанной и принуждает к одиночеству, отрешенности, власти воображения? «Зима на дворе, холод, и где мое гусиное перо?»

Тут его дернуло достать из-за пазухи вчерашнюю бутылку коньяку:

– Может быть, эту книжечку полистаем?

Незнакомец остановился, отложил занятие, посмотрел еще раз в глаза Антону, снял очки, потом снова их нацепил мимо глаз. Похоже, возрадовался?! Переменилось в нем что-то. Тут же отложил книгу, которую с таким интересом просматривал до заманчивого предложения приложиться к соблазну. Подлетела жажда другого рода – жажда «Ид». С взаимной поспешностью покинули они помойку; перелезли через забор, потопали по сугробам коротким путем. Он второпях, слегка заикаясь, когда Антон принял его приглашение в гости, представился: Николай. Не было никакой случайности: то же имя вписалось в початый реестр новогодних встреч. Но не жалкий обреченный Колян. Нет, в этом человеке сохранялось всё его нехилое человеческое достоинство. Обменялись рукопожатием, так, для порядка, заключив тем самым между собой на этот вечер дружеский союз. Шустро потусили по знакомой улице, мимо продуктового; разговор то и дело взвивался возбужденным смехом. Выпить – и всё тут! Тогда и начнется новая жизнь. А что останется по-прежнему, уже неважно! Без проволочек подошли к дому панельной кургузой хрущевки. Николай махнул на окна своей квартиры.

Окна ничем хозяина не выдавали, но были ржавые, с облупленной краской, в глубине черные провалы: свет не горел в квартире ни в одном окне. Настораживали запустением старые, ободранные, но всё-таки когда-то покрашенные в белый цвет рамы; вставленные в них стекла, мутные от времени и не мытые, видно, из принципа, навевали не то заскорузлую тоску, не то полное равнодушие хозяина к своему быту. Когда вошли, пахло чем-то сгнившим, прокисшим, заплесневелым. И не было никакой ошибки: вот твой урок, смотри, дурень, куда тебя потянуло. Гостю не хотелось вникать, что послужило поводом к такому бедламу, кто там жил еще? Чей в шкафу прячется скелет? Или Николай жил один? И почему так беспонтово он себя обложил вековой ветошью? На подоконниках с внутренней стороны наваленный хлам служил чуть ли не шторами, доходил почти до самой гардины. Окна заложены чем-то, что и определить уже невозможно, тоже, наверное, принесенным с помойки. И так продуманно аккуратно исполнен был столбик хлама строгим рядком почти до самого верха. Попадались и кирпичики старых книг, тоже с помойки, и стопка пересушенных до желтизны газет, обращала на себя внимание внушительная бутылка, огромная, на двадцать литров, и, кстати, прозрачная, но со стороны комнаты закутанная в тряпку. Вид был ужасный, еще не хватало стайки собак, которые бы гавкали поверх всей этой свалки на улицу и по-собачьи слезно умоляли выпустить их из этого затхлого места!

В прихожей сняли куртки, Антон растерялся, куда же воткнуть свою. Николай дал ему тапочки, которые он устыдился было надевать, но спрятал от хозяина брезгливость: не в носках же ходить по замызганному полу. Хозяин повесил куртки на свободный крючок; изрядно хлопоча, волнуясь, на правах распорядителя торжества в одних носках отвел к себе в комнату, а не на кухню, как принято у хронических бобылей:

– Располагайся, а я пойду из закуски что-нибудь посмотрю, – сказал и громко хлопнул в ладоши. Потом тихо-тихо, картинно, пятясь на цыпочках к двери, вышел бесшумно. Оставшись один, Антон огляделся. Был поражен!

В комнате были свалены десятки измученных лет. Пылилось бестолковое прошлое, на которое были потрачены немалые труды, примявшие остатки инфантильных мечтаний, навеванных из закоулков, из подворотен дворов, что-то из босоногого детства, что-то из зимних вечеров, из крупниц подавленных желаний.

«А зачем я сюда приперся? Посмотреть, что меня ждет? – пронеслась обремененная сожалением мысль. – Вот такая же истлевающая свалка?» Как свечка, осветила, блеснула и замерла царапина отвращения, оставив черно-белый негатив на сетчатке памяти. Желание сбежать удерживали приступы стыда и любопытства – что будет дальше. Батюшки! От входной двери до окна тянулась деревянная витрина, встроенная вручную, без стекла, привинченная к стене мощными шурупами. На ней красовались модели автомобилей...

Машинки стройными рядами заполняли аккуратно выкрашенные полки, и, если встать лицом к этой коллекции, всё остальное будто растворялось как уже давно изжившее себя и сдохшее чудовище домашней обстановки. Модельки соперничали друг с другом красотой, новизной и изяществом форм, каждая сама по себе восхищала. Была куплена тогда-то, где-то. Остальное в этом пространстве теряло всякое значение – немытые окна, грязные полы, продавленный холостяцкий диван...

Вошел Николай, громогласно вмешавшись в изучение витрины:

– Чем богаты, тем и рады, принимай закуску!

– Принято! – ответил гость громко, наперебой интонации Николая. Как бы даже перекрыв его слова своим фальшивым пафосом. Но потом сильно пожалел, это хозяина распустило. Он находился на старте редкостного эмоционального подъема, и каждое слово, брошенное в него с его же грубой энергией, вызывало в нем подтверждение той горькой, копившейся недосказанности на свою жизнь, на родственников, на бывшую жену свою, которая очевидно мучила его ежечасно. На всё то, что его теперь окружало, и на всё то, чего с ним больше не было и не представлялось возможным уже никогда его беспокоить.

Антон помог ему сдвинуть две старые, ободранные табуретки вместе, это и был доступный в этом сервисе стол.

– Давай хоть газетами застелим, пес бы их побрал, – ругнувшись, Николай вытащил из-под стола две старые газеты. Одну дал Антону, другую стал сам разворачивать и расправлять на табуретке. Ту, напротив которой Антон сидел, он застелил сам своей газетой, после этого они вместе положили еще один общий лист на обе табуретки. Закончив с холостяцкой скатертью, Николай поочередно стал выносить и выставлять миски с приготовлениями на скорую руку, которые побыстрее, для того чтобы тотчас перейти к выпивке, настругал на кухне. В них лежали маринованные огурчики, картошечка, порезанная пополам, хлеб мелкими кусочками и несколько долек тоже мелко нарезанного, желтого, заскорузлого, дешевенького плавленого сырка. Всё это украшала литровая бутылка коньяку. На этикетке было написано «Князь Таврический». Сама посуда имела довольно причудливые изгибы и внушительный литраж.

Николай уже протирал два стакана. Нет! Даже не два стаканчика под водку, а два граненых больших стакана. Он их шумно хряпнул в центр обеих табуреток, и от того, что гость даже немного вздрогнул от «звяка» стаканов по дереву, недоуменно взглянув ему прямо в лицо, он еще сильнее как-то опасливо улыбнулся Антону, просверлив двумя красными, напряженными глазами, и особо уставился на молодые руки с бутылкой. Еще чуток, и он откинул бы все условности и нормы приличия, выхватил бы ее у гостя, сорвал крышку, вилкой ковырнул бы дозатор и стал хлебать прямо из бутылки, из горла, работая кадыком и издавая соответствующие хлюпающие звуки при каждом глотке. А потом швырнул бы пустую или чуть-чуть недопитую бутылку в сторону и, пытаясь что-нибудь высказать, начать хоть какой ни есть разговор, отключился бы прямо на табуретки, смешав и смяв всю закуску на себя, в полном раздрае упал бы уже на пол и там в брожении собственных рвотных масс уснул тяжело и беспробудно. Ох, уж это Антоново воображение, пророчило худший расклад.

Но всё выглядело пристойно и благополучно! И пусть так бы и закончилось, пристроилось к Антону в задний карман его фантазий. Через минуту гость увлекся хлопотами хозяйина. Ему даже понравилось хозяйское бормотание сквозь зубы, его мелкие какие-то движения, которые он совершал с судорогами в руках, будто произносил заклинание. Он забрал из рук Антона бутылку, осмотрел ее, повертел вокруг лампы, проверил, есть ли там какая-нибудь муть внутри бутылки. Настолько сильно этот человек хотел выпить хорошего спиртного, и так нечасто попадалось оно ему в руки, что он сейчас как-то очень тщательно осматривал содержимое и всё бормотал и бормотал про себя. Наверно, представлял вкус коньяка, оттягивал момент перед первой каплей, которая попадет ему на язык. Он, несомненно, знал, что самый

волнующий момент переживается только тогда, когда в твой рот не попала еще никакая спиртосодержащая жидкость! А потом, когда уже попала, пиши пропало!

Наконец приготовления были закончены. Они уселись на продавленный полувековой диван, откинулись на спинку, дав спинам слегка расслабиться перед предстоящим. Осмелев, Антон взял из миски огурчик, закусил и похрустел им... Николай, как бы опомнившись, придя в себя и оттолкнувшись от мягкой спинки, хватанул бутылку своей пятерней и властным движением правой руки свинтил пробку. Он открыл ее привычно виртуозно и тщательно, аккуратно положил на табурет, сам поднес к носу уже взлетевший аромат, втягивая, внюхивая, облизывая поток благородного вкуса.

– Ну-с, чего мы ждем? Поехали! – Он повернулся к Антону, посвежевший и улыбающийся, с тем выражением лица, которое еще на улице вызвало у Антона доверие.

– Давай! – махнул Антон рукой, и Николай взялся разливать коньяк по стаканам.

Налил, если можно так выразиться, «с горкой».

На стакан нельзя уже было положить кусочек хлеба, иначе он намок бы, что было бы обидно.

Таинство первого стакана было распечатано! Ах, до чего легко они опорожнили его в себя! Улетучился весь тот долгоиграющий шарм перед непечатой бутылкой, который испытывает мужскую волю и выдержку. Слюнки больше не текли, а через какое-то время потекло бы изо рта нечто другое. Всё же надо уметь пропускать, немного потерпеть, выпивая, посидеть, поговорить...

Николай приложил ладонью ко рту, как бы занюхивая ею последний глоток. Коньяк и вправду был очень хорош. Тут уж захотелось по картошечке и огурчику, так что быстренько закусили, Антон еще угостился черным хлебцем. До сыра дело не доходило, не сговариваясь, они выжидали не пойми чего.

– Ну, чего тебе рассказать, – начал Николай, закусивши. – Работал водителем всю жизнь, как ты, наверно, догадался. Видишь, коллекцию подсобрал, – он махнул в воздухе рукой на стеллажи и витрины. – Первую машинку родители подарили, вон она стоит.

Это была 21-я «волга» бордового цвета, красивая хромированная машинка.

– Я еще ее называл «машина победы», – Николай продолжал любоваться моделью. – Тогда их много по дорогам ездило, сейчас только в мае можно увидеть на праздник, а тогда еще было за счастье на ней прокатнуться. Такая машина! Не всем ее давали, а только тем, кто заслужил действительно за какие-то подвиги и рекорды. А сейчас, – Николай смахнул воспоминание рукой, присел было с тоской на диван, но и поднялся быстро.

– Ты знаешь, я ведь на скорой десятки лет работал. Был у меня в жизни случай... – он запнулся, но тут же продолжил разговор. Видимо, много раз уже «тот случай» проживал в себе, проговаривал, и он не угас до конца. Что-то невозможно было забыть, и Николай научился проматывать быстро, незаметно, на первый взгляд, прокручивать на ускоренной перемотке. Ну, а когда вспоминал про него, тот случай, или при разговоре приходилось спотыкаться об него, то после всех слов, сказанных собеседнику, от многолетних тяжелых дум, оставшись один, в постели перед сном перемотку эту возвращал и просматривал в замедленном режиме, шлифуя и оттачивая всё до скрупулезных подробностей. При этом он до странного инстинктивно извивался, корчился в постели и произвольно издавал разнообразные пугающие самого себя звуки, стонал, по-простому говоря...

Антон сам уже готов был потянуться за бутылкой. Николай опередил его движение руки, властно отвел ее в сторону.

– Не надо, – он очень выразительно посмотрел поверх Антоновых глаз, выдохнув и взяв опять бутылку в свою большую руку, подтвердил свое право оставаться на разливе. И это не представлялось теперь Антону таким простым делом. Еще по подъездам в компании своих сверстников кто-то выбирался ребятами на разлив: все пили, а один веселый товарищ тоже пил,

но разливал на всех. И тогда почему-то казалось, что выбирают по каким-то особым заслугам. Юношескому уму этого было не понять, почему, например, разливает он, а не я?.. Сегодня разливал Николай. Он опять наполнил два граненых стакана до краев.

– Если сразу не можешь, выпей половину, я уж так разливаю, давно не приходилось.

Николай как-то сразу погрузился, осунулся, посмотрев на полный свой стакан с таким видом, что, мол, ничего уже не поделаешь, это неизбежность, поднес его ко рту, широко криво его открыл во всю глотку и готов был уже влить содержимое стакана без продыха.

– А, слушай, я уже начинаю... Давай хоть чокнемся.

Они поспешно чокнулись, и он опрокинул весь-весь большой и грозный стакан в себя. Театрально откинул его от губ и даже не стал ни занюхивать, ни закусывать...

Антон решил вмешаться в его одинокое питье:

– А ты знаешь что?

– Что? – Он повернулся к гостю, немного приободрившись, прищурился одним глазом, даже губы изобразили какое-то расплавленное подобие улыбки.

– Слушай, а ты знаешь хоть, откуда эта бутылка с коньяком?

Уже мотнув пьяным движением головы, он посмотрел на бутылку, а потом опять повернулся к Антону, казалось, смущенно, в некотором замешательстве...

– Так вот! – Антон вздохнул, и Николай аж напрягся весь во внимании.

– Я был в нашем парке, который через дорогу, на спектакле, на детском. Там рассказывали, что новый год пройдет под покровительством черного дракона.

– Так, так, – Николай и правда сильно заинтересовался, очевидно, его занимали такого рода истории.

– Эту бутылку, – продолжил Антон, уже пересказав ему щепетильный сюжет о том, как напоил бомжа в метро, потом пришел в магазин, и там попался ему дед в стилильном пальто, белой рубашке и красной бабочке. Как они дружески прогуливались через весь магазин, высокопарно общаясь особым языком через стихи.

– Не-ет, что-то ты мне неправдоподобное глаголешь, по приметам я не встречал такого деда, хотя я здесь старожил, и в этом магазине чуть ли не каждый вечер, – Николай втянулся в интригу и слушал уже со всем усиленным вниманием.

– А потом я прихватил эту бутылку из дома и тебя повстречал на нашей единственной помойке, понимаешь?..

Николай, хоть и был уже заметно пьян, но всё же нешуточно напрягся, стараясь вникнуть в логику рассказа.

– Так вот, вообрази, события – физика сплошная, Стивен Хокинг. Магические причины-следствия проникают в нашу реальность. Путем материальным я и сижу сейчас с тобой...

– Материальным? – Николай как-то с подозрением косо посмотрел на Антона, как будто тот еще что-то недопонимал, а он уже обо всем догадался и отнесся к Антонову трепу даже с опаской.

– Ну, кто знает, что там есть еще, – вдруг Антон сам запнулся, замолчал, не уверен, нужно ли дальше говорить, и впал в смущенную задумчивость. Заметно помутилось в глазах, алкоголь заполнил его мозг, да так сильно, что он покачнулся и чуть было лбом вперед сам, топориком, не упал на табуретки и не проломил их о свою голову.

Николай держался трезвее гостя, сказывался многолетний опыт бобыля. Он с минуту держал паузу и перетянул разговор на себя. Казалось, коньяк его не достал, и он не был пьян. Неправдоподобная история его оживила, глаза его воспламенились, зароились фантазии, замагнитились в воздухе необычные мысли. Он впал в необъяснимое возбуждение! Очевидно, по наивности Антон многого не понимал, а Николая настиг дремавший в нем порыв действовать! Перещелкнулась будто какая-то воздушная шестеренка, и омертвевшее колесо судьбы сдвинулось в пространстве, дав ход уже другому движению, за ним и третьему, затем и всему

турбинному механизму. Еще немного, и он бы по примеру Теслы был способен вырабатывать энергию в тысячи киловольт!

Антон беспомощно пьяно молчал, а Николай в неопишемом внутреннем восторге произносил свой монолог:

– Слушай, занимательная вещь у тебя произошла! Я хочу... – начал он, не останавливаясь и сбиваясь, говорить. – Ты сейчас к стене отвернись, а я... – он говорил и крестился. – А я... Дай бог, у меня будут еще одни домашние тапочки для гостей...

Настолько сильно Николай был возбужден в эту минуту, что со стороны могло показаться, будто у этого человека начался нервический припадок. Первые секунды засветились, как спички, особенно горячо и сбивчиво.

– Я хочу отблагодарить его, то есть тебя через него. Тыфу... его через тебя... отворачивайся быстрее... – Николай даже своими руками помог Антону половчее повернуться к стене, сам же подскочил с дивана к своей витрине с машинками.

– Называй мне номер полки от пола и машинку от окна. – Полок было всего четыре. – Ту, что назовешь, – твоя! Тебе дарю!

Николай удивлял своим волнением, со лба катился пот, лицо его уродливо преобразила невыразимая гримаса, больше всё-таки походившая на что-то потустороннее, нежели на улыбку. Воодушевленный, с красным лицом, он стоял возле досок с машинками и ждал. Торжественность момента подчеркнула опрокинутая табуретка, которую он, в страстном порыве осуществив прыжок к витрине, зацепил ногой, со всем ее содержимым: рюмками, тарелками, закуской и пустой бутылкой из-под коньяка. На такие мелочи, как перевернутая табуретка, он уже не обращал внимания. В воздух взвилась идея, дух легенды! Некий неосознанный азарт захватил и Антона в свои жадные объятья, не отпускал, ждал и горел в груди коньячным пламенем.

– Два и пять! – произнес Антон, придав голосу торжественность магического заклинания. Николай вслух просчитал, выждал паузу и через полминуты окликнул:

– Поворачивайся, вот она!

Осторожно, не спеша, на пятках Антон повернулся.

Он стоял с вытянутыми руками и зажатыми кулаками. Силился, крепился, сжимал еще настырнее и крепче. Вдруг решительно сделал два шага в сторону гостя. На пути ему опять попала перевернутая табуретка, он пнул ее ногой, прошелся по скинутой на пол тарелке, расколол ее, от хруста битой посуды вздрогнул, швырнул табуретку в сторону, как мусор на пути, подошел вплотную к дивану, всё так же с вытянутыми кулаками и с неопишемым горением в возбужденных глазах. Их взгляды пересеклись в одной точке, будто окатывая друг друга темной, опасной для того и другого силой.

– На-а-а-а... – проревел Николай тигриным рыком и разжал кулак.

На одной ладони его, другую руку он сразу убрал, лежала якобы золотистая мини-модель автомобильчика «тойота»: грязно-желтый седан «Марк Х», представлявший из себя пластмассовую детскую игрушку, с которой дети обычно играют в песочнице, а потом, по своей же рассеянной невнимательности забывают ее взять домой. А если и дома вспомнили про нее, то не бегут обратно в песочницу, спохватившись скорее забрать ее, пока к ней, как можно было сообразить, кто-нибудь да не приделал ноги. Машут рукой, мол, ничего такого не случилось, и дома с большим аппетитом поедают вкусный обед, приготовленный мамой или бабушкой. А вечером, вернувшись снова на площадку, находят машинку в песочнице. По своей копеечной неказистости она никого не привлекла, и ее попросту никто не присвоил. Никому такой хлам не сдался!

Николай, уловив щепетильность ситуации, взял в свою ладонь руку Антона, да и вдавил в нее машинку, этим жестом подчеркнув, что полностью передал ее новому владельцу, то есть вручил как приз в самодеятельном конкурсе, домашней викторине с чертовым колесом.

Сам он перепрыгнул на исходную позицию, с которой и начал магическое действие – отсчитывал названные две цифры. В глазах его мелькнуло не то что сожаление, но нечто похожее на тоску: эта машинка теперь уже не его...

– Вот, вот смотри! – Он не мог унять возбуждение – Честно всё было, смотри! Не подумай, что я там что-то подменил, пока ты смотрел в пустую стену.

Он долго еще не унимался, доказывал, что всё было честно, что он нисколько не сафериристничал, подарил искренно и безвозвратно.

– Раз, два, три...

Он отшелкивал пальцами второй ряд, шелкал по каждой машинке указательным пальцем так сильно, что третья машинка по счету, черный «гелендваген» сместилась со своего места и наехала на вторую машинку по счету, красную «фerrари». «Фerrари» не устояла под напором счета и во всей своей вызывающе красивой, настоящей металлической и стекольной огранке полетела на пол, стукнувшись передним бампером о грязный пол. Попрыгав как лягушонок, машинка передней частью приземлилась на стеклянную крышу, которая тут же разлетелась вдребезги, оставив следы битого стекла на линолеуме и картинку настоящей аварии как после захватывающих гонок с переворотом на крышу.

Николай тыкал пальцем в пятое по счету место, и оно действительно было пустое, крошечный пустой пяточок... Шестым стоял японский мотоцикл.

– Это есть она, видишь! В твоей руке, береги ее! – произнес он с надорванным хриплым вздохом.

Дурь постепенно сходила, по мере того как выветривался коньяк. Тянуло в сон и хотелось поскорее уже распрощаться с ним и уйти. Еще шевельнулась наглая мысль бросить после себя горящую спичку: пусть запылывает синим пламенем эта забубенная жизнь, да и освободит человека от помоечных наслоений судьбы.

Встреча не принесла Антону успокоения, наоборот, как-то нехорошо загрузила тяжестью чужой чернухи. Наутро было бесполезно строить какие либо планы. Вот-вот займется трещать голова, будет раскалываться до того, что он будет скулить и лезть на стенку. Чтоб ее, эту попойку! Всякая история имеет свой разбег и всегда у нее есть финиш, который надо еще уметь разгадать. А то не успеешь притормозить за чертой. Финиш помоечных приключений – это подаренная Николаем машинка... Антон вытащил ее из кармана и, пока шел по темной пустынной улице домой, еще раз рассмотрел модельку. Машинка была новой, не из песочницы, очевидно, куплена в киоске вслед за какой-нибудь газетой. Она больше походила на сувенир, который можно было прикрепить как оберег в настоящую «Тойоту Марк X». Он приостановился и представил лобовое стекло, на котором маячит туда-сюда крохотная дембельская мечта. Снежок на улице пролетал куда-то мягко, умиротворенно, вкрадчиво замечая всякие следы.

Глава четвертая. У каждого свой черный ящик

Еще через день наконец отступила новогодняя суматоха и утихла головная боль. Календарь безоглядно бежал вперед, отсчитывая свежие минуты наступившего года. Антон почти не выходил из дома, расслабленно валялся на кровати и размышлял над тем, что с ним приключилось. А что, собственно, такого? Ему не в чем себя упрекнуть. Подумаешь, перебрал лишнего с Лёней-вожкой! Так друзья и не такое вытворяли на доблестной службе. Праздник на то и дан, чтобы люди отдыхали кто во что горазд по мере своей испорченности. Никто и думать не мог о чем-то серьезном, о работе, о проблемах-заботах. Сгребли их в охапку и рассовали по углам. У каждого есть свой черный ящик на случай чрезвычайных событий, а приятели его закрыли, ключик спрятали, чтобы можно было помечтать, улыбнуться первому встречному, глянь, и тебе в ответ скажут что-нибудь приятное! Всё просто! Хорошее настроение добывается не только алкоголем, а каким-нибудь добрым словом, которого не жалко! Праздник на дворе, видели?

Так и жди теперь чего-нибудь интересного, необъяснимого, необычного! А случится – не отступай, когда найдет тебя убедительное и логически выверенное приключение. И даже не пытайся его объяснить. Оно естественно, как твоя потребность с кем-нибудь поговорить по душам. Дед, с которым Антон познакомился в ночном магазине, видно, тоже смотрел предновогоднее шоу в парке. Представился как коллекционер непредсказуемых превращений, шаркался и тихим голосом вежливо молвил, что соскучился по хорошему коньяку и доброй беседе. Кто бы мог отказаться? Антон всего лишь нарисовался в нужное время в нужном месте и только. Это в сказках существуют параллельные миры, тайные комнаты, приоткрывающие двери в некий неведомый мир, полный фантастических событий, которые никто не берется объяснять. Там всё воспринимается как само собой разумеющееся, как данность параллельного мира. Фантазия автора – его реальность, а твоей реальности нет до этого никакого дела. Но стоп. Столько разнообразных событий уже сплелись в одну цепочку, уже навязали узлов и давай нанизывать их на прежнее колесо жизни, толкая его по некой новой дороге, куда, спрашивается? Антон этого еще не разглядел. Когда раздался телефонный звонок, он не сразу расслышал, кто, собственно, и куда его приглашает. Дирижер из дэка, консерванта советской самодеятельности, обзванивал своих музыкантов, собирал всех на завтрашний вечер отыграть концерт в честь наступающего Рождества. Антон обрадовался и согласился: всё не сидеть в четырех стенах наедине со своими тараканами. Дома он не решался братья за инструмент, соседи бы задолбали барабанной дробью по батареям.

– Антон, – чуть не кричал дирижер в трубку, – ты бы мог играть на саксофоне? Наш именитый саксофонист в турне по Европе, а в оркестре одна неопытная девушка с инструментом, можешь, приехать поиграть с ней в пару?

Он тут же ответил утвердительно, как в армии:

– Есть! Могу!

Что марш «Прощание славянки» сыграет без нот, он даже может устроить предварительное прослушивание.

– Договорились! Жду! Извини, поговорим при встрече! – коротко завершил звонок дирижер.

Ох, наш друг разволновался! Как неделю назад, вернувшись с предновогоднего концерта. Место ему уступал саксофонист преклонных лет, Антон его вспомнил. Мачо на пенсии сидел бок о бок с Мариной, то и дело шептал ей на ушко, и, судя по ее улыбке, это были приятные комплименты. Про него в оркестре ходили слухи и легенды, что он в свои молодые годы объездил весь Старый Свет. Играл в составе джазового оркестра и на пенсии не смог распрощаться

с музыкой, а стал ходить в оркестр, чтобы поддерживать в себе дух музыканта. Так это он, очень кстати, был в отъезде, на отдыхе в другой стране? Антон теперь знал, что сама судьба ему широко улыбнулась! Призывно зовет и радуется! Воображение перехлестывало, он с волнением ходил взад и вперед, выходил на балкон – охладить пыл, унять себя, успокоиться, и снова чуть ли не прыгал по комнате. Сердце колотилось уже по-новому, оно не забыло, оно готово всегда!

Антон ехал в электричке, не помня себя, никакие мысли не складывались. Одним из первых выпрыгнув из вагона, побежал до площади, послав к черту таксистов, за несколько метров до ДК постарался выровнять дыхание, а там всё уже было готово! Мигом проскочил через служебный вход, нашел дирижера. Он без промедления вручил новичку старый-престарый саксофон ленинградской фирмы. Антон пробрался к своему новому месту, и там сидела она! Их оркестровые стулья стояли рядом, а перед глазами был один пульт. Она ему не доверяла перелистывать страницы нот. Делала это сама, почти на Антона не смотрела. Да кто он был для нее? Едва знакомый юнец, примчавшийся по первому зову дирижера. Пока впопыхах мчался с электрички, не разбирая дороги, она уже царственно сидела на стуле с саксофоном, разыгрывалась-разогревалась. Они еще совсем не были знакомы, но для него она успела стать уже кем-то безусловно необходимым. Кем-то, кого он очень долго искал и мечтал о встрече. Антон вспомнил все прошедшие дни Нового года, всю свою неприкаянность в хождениях по друзьям и помойкам, понял, что уже носил ее образ и тосковал о нем. Она же ни о чем таком даже не подозревала...

Уже вечерело, когда на следующий день он повторил проложенный маршрут в районный городок. На центральной площади города посередине стояла большая елка, крупно украшенная игрушками и гирляндами. Елка тянулась так высоко, что, кажется, задевала яркой красной звездой лиловое рождественское небо. По одну ее сторону и была устроена сцена, небольшая площадка, на которой, однако, оркестр уместился весь. Но вот что музыканты играли собравшемуся вокруг народу, Антон через час уже не мог вспомнить. Какое-то попурри из бравурных отрывков советских песен. Да и какая разница, если народ дружно подхватывал и что-то выкрикивал, выплясывал, двигался и пританцовывал вокруг елки. Все оркестранты, которые собрались играть в рождественский вечер, что называется, были в тонусе, а легкий морозец только подбадривал их работать легко и смешливо. На всех музыкантах были одеты одинаковые сине-красные куртки, поверху которых повязаны французским узлом шарфы с символами нового года. Конечно, для полноценного звучания оркестра музыкантов было маловато, но собравшиеся делали всё, чтобы никто из зрителей этого не заметил.

Дирижер, как всегда, был на высоте, отлично сводил воедино звучание инструментов, непринужденно управлял музыкальным волшебством, а духовой оркестр безошибочно считывал каждый его жест и взмах. Музыка трогала всех сегодня, народ ликовал, праздник носился по площади аплодисментами, хороводами, приплясами. Все честно трудились полтора часа, живо раскланялись, когда звуки музыки стихли. Гулянья завершились, народ уже стал расходиться. Дирижер задержался на своей оркестровой подставке, с которой его хорошо было видно, и громко и бодро, чтобы все слышали, проговорил:

– Жду всех в репетиции пить чай!

Музыканты будто этого ждали, сразу оживленно задвигались, стали складывать ноты и пульта. Марина встала. У нее на стуле, на спинке, висел на двух лямках чехол рюкзаком от саксофона. Она сложила саксофон в чехол, засунув туда еще какие-то ноты, развернулась и, едва кивнув мне, заторопилась в сторону автобуса. Замечательный водитель, который, кстати, играл на трубе, уже разогревал мотор.

Поездка в автобусе навстречу пиршеству сопровождалась взрывами хулиганского смеха, музыканты азартно соревновались друг с другом, кто покруче насмешит. Переоделись и сложили костюмы по-армейски в несколько минут, а когда гужом вошли в репетиционный

зальчик, столы уже были накрыты и заставлены закусками. Интересно, какой спонсор расщедрился на праздничное застолье? Впрочем, это не обсуждалось, и Антон не отважился спросить, видимо, имя спонсора было под запретом. Пили настоящий чай, заварной, ароматный, из настоящих чайников. Это было неожиданно приятно. Конечно, Антон взволнованно чего-то ждал, молчал, жадно прислушиваясь к шутливым комментариям праздника. Догадался, что дирижер заговорил с Мариной о нем. Тот еще по телефону обещал попросить ее подвезти Антона к электричке. Он сидел от нее неблизко, но исподволь наблюдал за ее свободным общением со всеми музыкантами, с которыми она дружила. Как по команде, все стали собираться и расходиться, будто в дэка начал действовать комендантский час. Чтобы не толкаться, Антон подошел к вешалке чуть не последним. Марина отошла в кладовку, оставила там саксофон и, выйдя, взглядом позвала следовать за ней. Звякнул брелок в руке, так она дала понять, что доведет до станции. Пока спускались по лестнице, она не проронила ни слова, но задержавшись на первой ступеньке, что-то стала искать в своей сумочке. Антон вышел вперед, на улицу. Молча прошли к стоянке, она щелкнула брелоком совсем отвлеченно, машина тут же подмигнула габаритными огнями. Марина снова взялась ворошить в своей сумочке, а он в полной нерешительности стоял и не решался на нее смотреть. Его внимание привлекла машина.

Тут его будто подтолкнул Николай со своим подарком, Антон как-то запросто прошел в правую сторону, уже было открыл податливую дверь. Марина отняла взгляд от сумочки, встревоженно взглянула на своего пассажира и вдруг разразилась смехом. Да каким! Буквально обсыпала его с ног до головы своим колокольчиковым звоном.

– Антон! Я сама не решалась сесть за руль, еще не привыкла к этой машине, купила три дня назад. Садись, садись за руль! – И снова захохотала...

До него тут же дошло, что машина с правым управлением, и он ошибся местом, но по настоянию Марины должен изобразить знающего водителя. Она, приободрившись, запрыгнула на сиденье пассажира. Совершенно серьезно, как инструктор по вождению, показала Антону красную кнопочку, приказала:

– Заводи!

Он нажал, машина завелась, выбросив сильную вибрацию, и они оба, даром разве музыканты, очень даже оценили ее волнительный и приятный рык из выхлопной трубы.

Улыбаясь весело и дружелюбно, Марина поощрила его нечаянную смелость:

– Антон, вам предстоит испытать и оценить эту новинку. Свою прежнюю БМВ продала, а теперь вот купила себе японского самурая «Тойота Марк Икс». Смотрите, осваивайте, облегчите мне участь.

Загорелась подсветка аудио системы, загрузился весь бортовой компьютер, по размеру похожий на средних размеров планшет. Когда он включился, о ужас, на экране замелькали страницы в иероглифах. Кто будет сидеть и разбираться? Должен быть загрузочный диск с переводом. Отсмеявшись, Марина перекинулась в правую сторону со своего сиденья, руки положила, даже вся обмякла посерединке, на широкий и большой подлокотник, достала из него большой талмуд инструкций, показала, что и сколько надо разучивать.

Антон поспешно пробормотал:

– Не так всё просто в век тотальной электроники.

Конечно, они поменялись местами. Слегка взбодрившись в роли штурмана, он уверенней стал наблюдать за Мариной. А она, пересев за руль, спокойно продиктовала в маршрутизатор путь на станцию.

– Ну как, готов начать изучать инструкцию? – спросила она, подчеркивая шутливый тон. – Могу дать несколько уроков.

Антон обхватил руками занявшееся в коленках волнение. А она продолжала:

– А взамен вы пообещаете меня поучить игре на кларнете. С детства мечтала, всегда хотела играть на кларнете. Смог бы приехать? Я бы вас встречала со станции на машине, в доме культуры не возбраняется заниматься.

Как у него получилось сказать в ответ «хорошо, замечано!» – сам удивился. Не помня себя от счастья, вышел из машины, подтолкнул дверь, она беззвучно, воздушно закрылась. Марина еще какое-то время смотрела ему вслед, махнула рукой, мол, до скорого! Антон развернулся на носках, как дембель в увольнении, и кинулся к последней электричке на Москву.

Глава пятая. Дух Браконьера

Парню как будто дали хлебнуть элеутерококка на спирту, целый час он пылал с головы до ног, на одном месте ему не сиделось, и он то и дело выходил в тамбур остудить воспаленную голову. Уже составлял план занятий и объятий, будучи уверен, что редкая птичка сама вспорхнет ему на руки.

Первый, к кому Антон мысленно обратился за помощью, был его первый учитель по кларнету, музыкант-легенда. Почему ему приклеили подпольную кличку Браконьер, ученик мог только догадываться, но зато наизусть помнил, что он музыкант старой закалки, мог научить самого нерадивого играть в каком хочешь стиле. Его коронный свинг вызывал веер эротических фантазий. Кларнет у обожаемого педагога – старый инструмент еще довоенных времен. Selmer 9 до того у него притерся, что протерлось даже дерево и металл под подушками пальцев, пока чуть ли не полвека он играл джаз и классику на кларнете. Ему были подвластны разные стили, чем многие кларнетисты просто не владеют. Он опускал горло, и его соло на кларнете перекрывало оркестр в тридцать человек, звучал над всеми! И теперь Антон всеми фибрами своей души вызывал дух Браконьера – помочь ему блеснуть перед девушкой, чье очарование уже целиком его захватило.

Антон с порога, когда приехал домой, взялся рыться на антресоли и откопал свой старый пластиковый китайский кларнет. Сам он практиковал на деревянном кларнете марки «Гончаров». Бесхитростный китаец кларнет ему верой и правдой послужил в армии, но остался цел и невредим. Антон достал, осмотрел его, убедился, что инструмент был вполне пригоден для занятий. И почти до утра не мог заснуть, настолько разыгрались в нем джазовые импровизации его фантазий...

На следующий день утром, едва дождавшись приличного часа для звонка, Антон набрал телефонный номер Марины.

– Алло, Марина? – Антон замолчал, почувствовав ком в горле.

– Да. Кто вы? Представьтесь. Алло, вы будете говорить?

– Да, это я, Антон. – Он прокашлялся прямо в трубку.

– Простудился на открытом воздухе? Немудрено для новичка.

– Немного... Я что хочу сказать... Нашел запасной инструмент, вполне пригодный для занятий, я его из армии привез. Китайский пластик. Годится?

– Конечно! Когда найдешь свободное время? Я тебя встречу на станции.

– А можно, я тоже перейду на «ты»?

– Давай, попробуй! – Марина рассмеялась.

– Воскресенье в полдень. Добро?

– Добро! Буду ждать. Зайдем часа на два репетиторий. – И Марина повесила трубку.

До ближайшей встречи оставалось еще три дня, а Антон уже тщательно подготовился. Он просмотрел несколько сборников для кларнета, выбрал наиболее доступный начинающему, уложил вместе с инструментом. Вдруг он задумался о своей экипировке. Никуда не годно учителю явиться на урок в маскировочных штанах спецназа и застиранной майке, как привык после службы ходить по гостям Антон, подчеркивая свой армейский статус. Нужна была стильная рубашка, пусть без галстука. Галстук – это слишком. Рубашку выбирал с особым тщанием, наконец, в «Эгоисте» купил голубую вертикальную полоску, подчеркивавшую тренированный торс. Стрейч-джинсы сопровождал серый мягкий пуловер, в котором Антон вполне себе казался сошедшим с афиши. Отросшие волосы он решил не стричь, всё-таки романтический беспорядок сразу нравится женщинам, у них появляется вполне эротичное желание причесать и погладить мужчину по голове. Почему Антон был так уверен, что уроками игры

на кларнете встречи с Мариной не закончатся? На самом деле он ничего о ней не знал, кроме имени и желания продолжить встречи. Действительно, кто она? Сколько ей лет? Была замужем? Судя по всему, ни с кем не встречается. Очень даже умело следит за собой: прическа, духи, аккуратный макияж, маникюр, легкая изящная одежда, девичья фигура, захватывающее в плен обаяние и, самое главное, – странное воздействие на Антона. Он чувствовал ее присутствие везде, прежде всего спиной. Ему было с кем сравнивать: в первый же день концерта к нему подлетела разбитная саксофонистка по имени Жанна, вцепилась ему в локоть и давай расспрашивать, кто он, откуда, женат ли, хочет ли жениться, и вообще, зачем явился в оркестр. Антон таких отважных дам боялся с консерваторской юности, как правило, они требовали отнять у него голову напроочь. Ну и всё остальное. Именно от нее он кинулся тогда со всех ног на электричку, не остался на праздничный ужин.

Наконец, первый урок состоялся по взаимному плану – в ближайший воскресный день. Потом Антон частенько вспоминал его до минут, просматривал как любимое кино, будто выучил наизусть, и его охватывало чувство благодарности. Кому? Судьбе и провиденью? Богу?

Марина, слушая его наставления, не могла сдержать улыбки.

– Ты чему улыбаешься? – говорил он ей как можно строже. – У нас с тобой урок, сосредоточься! Следи за дыханием и дуй длинные ноты!

Антон то и дело показывал ей, как надо правильно держать инструмент, рассказывал о новой аппликатуре, старался, чтобы звучало доходчиво и понятно, а ее взгляд был прикован к нему, блеск глаз превышал дозволенные ватты. Она часто дышала, словно ребенок, получивший игрушку, о которой тайно мечтал. При виде инструмента ее глаза загорались, но взгляд соскальзывал на Антона, нырял в его сердце, завладевал его пульсом. А он не мог разглядеть ее лица, будто дождик повесил между ними влажные шторы, но чувствовал, как она поглощала каждое его слово и каждое движение. Ему она казалась девочкой, которой дали поддержать мечту ее жизни, и теперь она придумывает, как бы присвоить ее себе. Не было за плечами тридцати лет, не было травм и разочарований, не было холодного регламента взрослой жизни. Ей хотелось продлить каждый урок, живую гарантию ее детского счастья. Инструмент, попадая ей в руки, тоже будто начинал светиться, заряжаясь блеском замороженных глаз.

Антон вслед за ней расстегивал свои луковые одежки и превращался в мальчугана, которому подарили ведро спелой вишни: с ней неизбежно уносились в прорисованный звуками сказочный мир, полный невесомых красок и фантастических событий, в которые так верят дети, недостижимых никем из законопослушных взрослых. Авторами этой сказки были они сами, но Марина привносила приподнятый шуточный тон, и сюжет был в большей степени ей подвластен. Она, видимо, уже знала, что выбрала его в герои своего же романа, но не спешила закрепить за ним эту роль, а недогадливый мальчик продолжал играть роль наставника игры на кларнете. Знала бы она, что мысленно себе позволял Антон в эти часы и минуты. Сценарий этих встреч она сочиняла заранее и терпеливо наблюдала, насколько задуманное переплетается с импровизацией взглядов и интонаций. Но все-таки сюжет был, очевидно, управляем кем-то свыше, следуя природным мотивам притягательных поступков и стремлений. Вот почему Марина при виде своего наставника улыбалась с оттенком сверхъестественной прозорливости, чего он в ней нещучно боялся. Антона видели насквозь, но самого оставляли в неведении, и он даже злился.

– Ты улыбаешься, – снова и снова говорил он ей. – У нас с тобой урок, сосредоточься! Следи за дыханием и дуй длинные ноты...

Боже, в который раз он ей это повторял, показывая, как надо правильно держать инструмент, и торжественно произносил наставление о новой аппликатуре. И снова взглядом она прощала ему его занудство, потому что уже пережила возвращение в детство благодаря кларнету. А он вместе с ней забывался от всех своих невзгод, неустроенности и забубенного одиночества.

Почему вообще Марина пожелала с ним общаться? Он замучился об этом думать... Очевидно, ей в, казалось бы, нормально отлаженной жизни не хватало простой искренности, беспечной и беспечальной. Такого чего-то детского, живого, простодушного, такой радости, где не нужно было никем притворяться. Эти двое встречались без оглядки на трезвый взрослый мир вещей, который им за это отомстил, возобладал над их чувствами и взял верх над их разумом. Антону теперь очень хотелось, чтобы она тоже переживала, звала его. Возвращала бы, даже требовала нового исправленного сценария их отношений, где победило бы непредвзятое доверительное общение друг с другом.

Первый свисток извне проорал буквально над их головами, наверно, на третьем занятии. Оба одновременно встrepенулись: рядом с ними стояла неугомонная саксофонистка Жанна, смотрела на них всезнающим оком и готова была облить ушатом холодной воды.

– О, как вальяжно устроились, полюбуйтесь на них! Интересно, на какой стадии любовная интрига, всё уже? Или всё еще? Марина, давно моего мальчика притянула в свои планы? Слышала, что я на него глаз положила! Привет. потенциальный жених и повелитель моего сердца. Быстро же ты выбрал другую!

Антон обомлел, выдавил из себя хриплый привет и больше не мог вымолвить ни слова.

Марина встала, обняла Жанну, поцеловала и предложила присоединиться к уроку.

– Жанна, дорогая, я теперь кларнетистка! Послушай, как получается! Подыграй?

– Согласна только на любовь втроем! С мужским стриптизом! А, Антошка?

– Может, чай попьем? – проговорил Антон неуверенно. – Или где перекусим?

– Ну почему, как только я предлагаю секс, у мужчин сигналист желудок? – нарочито обиженно развела руками Жанна. – В кафе я пас. Пойду еще поищу свое счастье...

Глава шестая. Игры королевы ночи

Через некоторое время Марина сама позвонила Антону.

– Ты можешь подарить мне ближайшее воскресенье? Обычно вечерами мы с Настей, ты ее знаешь, строгая флейтистка, моя лучшая подруга, ходим в кино! Но в этот раз она не может, у нее прослушивание в Москве. А у нас ретроспективный показ Феллини. Неловко одной, как сиротке, идти в кинозал. Ты видел его «И корабль плывет»?

Антону стыдно было признаться, что ничего-то он у великого итальянца не видел. И так получилось, что занятия на кларнете были дополнены походами в кино!

Антон, пожалуй, даже себе не мог объяснить, откуда появилось легкое и комфортное чувство родства, настолько ему было хорошо встречаться с Мариной, выполнять ее маленькие просьбы, беспрекословно следовать ее придумкам. Это детское доверчивое чувство было взаимным и не требовало никаких анализов и объяснений.

Однажды они пошли смотреть дурацкую комедию сразу после урока, много беспричинно смеялись, одновременно реагируя на экранную глупость, а когда этот «шедевр» кинопроката открутил свои титры, оба вспомнили, что пришло время расставаться. Марина решила заехать в зоомагазин, восполнить запасы корма для своей собаки, Антон вызвался ее сопровождать.

– Всё равно у электричек перерыв, а я могу пригодиться в роли носильщика, – неловко пошутил он, помня, что никакого перерыва на ж/д по воскресеньям не бывает.

– А поедем потом в монастырь? Ты же там никогда не был?

– Не был. Вообще избегал монастырских стен.

– Почему?

– Не могу объяснить. Побаивался, вдруг они меня поглотят и не выпустят...

– Странно, у меня, наоборот, после таких экскурсий возникает чувство свободы. Ощущение, что горы скинула с плеч.

– А для меня монастырь как будто в другом измерении существует, таинственное что-то, за семью печатями. Никогда не впадал в религиозность.

– Хочешь попробовать начать снимать печати?

– Страшновато как-то...

– Тем более! Любой страх нужно изгонять, как болезнь или как заблуждение.

– Ты думаешь? По мне так страх, он же друг интуиции, естествен.

– Но давай проверим, а? Судя по всему, в моем присутствии ты даже Жанну не убоился.

Антон рассмеялся и согласился на поездку в монастырь. Между ними выросла молчаливая пауза, в которой не было тяжести, а было такое удивительное чувство, что слова только будут мешать понимать друг друга.

Марина припарковала машину на нижней площадке, до тяжелых кованых ворот нужно было подниматься в гору. Антона поразила тихая сосредоточенность, изменившая выражение ее лица. Она шла чуть впереди, не оглядываясь, по пути накинув на волосы теплый, вязанный размашистой резинкой шарф. Антон боковым зрением видел, как губы ее что-то шептали. В который раз он любовался этой женщиной, сразу ставшей для него близким и таким родным человеком, которому полностью доверяют. Небо над ними сияло, бескрайнее, без облачка, на востоке еще голубое, а на западе постепенно надевавшее розовый шлейф заката. Морозец минус десять добавлял бодрости и упругости каждому шагу, Антон впервые удивлялся и поражался небу, в голове же ничего кроме счета шагов до ворот и не возникало. Тишина аж звенела в ушах, странным образом заполняя всё его послушное тело. Не о чем было думать, ничто не вызывало враждебность, ноги просто несли его вслед за легкой изящной походкой Марины. Шагнув за ворота. Антон действительно увидел совершенно иное пространство, заполненное

иной, для него неведомой жизнью, с людьми, только внешне похожими на живущих в обычном мире. Марина повела его вдоль белых стен с узкими бойницами, с башенками, будто построенными детьми из снега для зимних забав, с винтовыми лесенками, ведущими в часовни, с мозаикой старинных ликов, смотревших проникновенно и неровно. Посреди площади возвышался фантастический по своей архитектуре собор с обшитой лесами ротондой, Марина не стала заходить внутрь, а прошла к маленькой белой часовне.

Антон остался у входа, он не совсем понимал, как ему себя вести и что ему делать. Мимо проходили люди в черных одеяниях, монахи, что-нибудь несли с собой и крестились. Креститься Антон не умел и считал это неуместным, но почему-то опускал глаза, когда кто-нибудь бросал на него испытующий взгляд. Марина вышла из часовенки с просиявшим лицом, взяла Антона под руку и быстро направилась к выходу. Тут над ними разразился колокольный звон. Антон ласково пожал ее руку и снова вложил ладошкой под локоть, подтвердив прижав к себе. Он уже знал, что между ними открылось нечто, запечатое до этой минуты, заполняющее его невыразимой нежностью.

– Пять часов, в монастыре начинается вечерняя литургия. А я проголодалась. Надо перекусить.

– И опять ты права! – улыбнулся Антон, заглянув ей в глаза. – Колокол звонит в желудке. Точно гора свалилась с плеч, никаких подноготных страхов, один дразнящий аппетит.

Кафе отыскалось на повороте в город, называлось характерно «Русское застолье» и обещало по тарелке сытных пельменей – самое то в мгновенно завесивший все впечатления инеем морозный вечер.

В кафе Марина проворно заказала себе десерт и расплатилась. Антон почему-то решил разыграть матроса в таверне, потребовал две порции пельменей и сто грамм абсента. Навернул, не поперхнувшись, и вырулил еще на 50 грамм редкостной гадости. Марина бровью не повела, лишь прокомментировала вскользь, что пьяницу не пощадит и бросит за бортом «красного самурая». Антон оценил ее насмешку, удержался от лишней дозы.

Он первый сел в ее машину и тут же всем своим хмельным уставшим телом обмяк в тепле на комфортном велюровом сиденье. Его тотчас пленил аромат, видимо, уже давно поселившийся в салоне. Пряный и нежный одновременно, он был наполнен обещанием ласковых мгновений. Она еще какое-то время оставалась на улице. Пытаясь смахнуть с дворников охапки падающего снега, она перчатками сбивала их с капота. Но с растущим ветром снегопад усиливался, а она копошилась возле машины без шапки, прикрывая локоны шарфом. Скользящая шерсть не слушалась и живописно разлеталась по плечам, так что ей пришлось закутать им голову как полотенцем. Наконец, очистив стёкла от больших кусков снега, села рядом с Антоном в салон. Запах в салоне ощутимо смешался с принесенной снегом свежестью, но к нему добавился уже знакомый, лишавший его всякого самообладания аромат огня. Она вся так же пылала и источала нечто неповторимо желанное, властно проникавшее внутрь к его нервам. Марина включила автоподогрев, маятник дворников, и скоро весь снег снаружи, падавший на лобовое стекло, стал таять и течь, превращаясь в тонкие струйки воды.

Шумоизоляция в салоне была слабоватой. Слышно было, как на холостых оборотах машина издавала тихий рык, мотор по-кошачьи урчал, разнося, кстати сказать, по всему салону расслабляющие вибрации. Марина, дразняще сощуриив один глаз, с озорной улыбкой смотрела в упор на Антона. Казалось, в полутьме салона свет пробивался к ним не через тонированные стекла, а от ее глаз и улыбок. Она подушечку своего указательного пальчика опускала ему на кончик носа и при касании нажимала на педаль газа, при этом вибрации нарастали, передавались с мощного мотора машины на его тело и обливали трепетной дрожью. Она еще при этом щелкала зубами. Как настоящий тигренок, пробуя научиться рычать. Антон приложил свои ладони к передней панели машины и стал ими давить на мягкий пластик, ему хотелось кого-нибудь придушить, но не сильно, оставить в живых. И так она минут десять прогревала

мотор, исподволь наблюдая, как в Антоне распаляется мужская сила. А он не знал, куда себя деть, руки готовы были вцепиться в ее бедра и вонзить в нее все свои накопленные желания. Так потом и происходило: он в постели непроизвольно стремился ее придушить, частенько это делал, ему казалось, что ей это очень нравилось, до невероятного по высоте октавы вокализа...

Она даже его как-то спросила, почему он перестал это делать, очевидно, плохо понимая, насколько это было опасно в их постельных экспериментах.

Она, видимо, почувствовала, что дальше Антон может стать неуправляем, прекратила игру с его носом и включила аудиосистему – магнитола с большим, похожим на планшет дисплеем. Шесть динамиков уже лишали его шанса сбежать с корабля. Музыка источала на них магию томящихся эмоций, воздействующих слезоточивым пением неизвестного ему дуэта. А она сама уже перестала играть, отпустила педаль акселератора со своей стройной, изящной ножки. Машина прогрелась, и можно было ехать... Еще какое-то время они сидели в креслах, молча, тихо вслушиваясь в пение дуэта. Абсент – такой напиток, после которого не находится лишних слов! Марина первая очнулась, приподнялась и кнопкой подвела сиденье в рабочее состояние, чтобы нормально держать руль и следить за дорогой. «Тойота» медленно двинулась дальше...

Антон онемел, он не знал, имеет ли право сказать хоть что-нибудь. Всё его сознание молча требовало от Марины ее самое, чтобы ей стало невмозготно сидеть за рулем и принадлежать некоему автомобильному божеству. Он позволил себе протянуть руку и положить ей на плечи так, чтобы пальцами послать приказ остановиться. Марина еще некоторое время гнала по шоссе, затем ловко свернула в лесной проселок и нажала на тормоз. Антон не шелохнулся, не отнял руки, но, когда она, наконец, повернула к нему взволнованное лицо, взял напрягшееся тело в кольцо и очень осторожно коснулся губами ее щеки. Губы едва ощутимо скользили к ее губам, слегка замешкались у кончика не рожденной улыбки и прильнули к нижней губе, затрепетавшей и раскрывшейся навстречу властному мужскому безумию. Он целовал ее так долго и яростно, что потерял всякое ощущение реальности. Он уносил свою женщину в некое совершенно иное состояние, где исчезали они оба и рождался мир поющих ритмов, горячих влажных потоков нежности и страсти. Оба уверенно обнажали друг друга, содрогаясь от долгожданных прикосновений. Наконец, она требовательно направила его возросший смычок в свое лоно, едва не задохнулась от своего вокализа и больно надкусила ему шею. Это было позывом к последнему взмаху смычка, со стоном вылившегося в аккорд взаимного оргазма. Но еще с полчаса они не могли и не хотели разжать объятия.

– Любимая, ты теперь моя, единственно моя навсегда, до самой смерти.

– Полно, мальчик мой, не зарекайся. Но сегодня седьмое небо нас приютило.

Глава седьмая. Пленники сладких грез

Любовники стали добровольными пленниками оборожительного мира, полного детских грез, вступившего в затяжной конфликт с той взрослой реальностью, в которую нехотя возвращались. Прощаясь, они всегда с бессознательной тревогой смотрели в глаза друг другу, не решаясь развернуться в противоположные стороны друг от друга. Антон сразу предположил, что Марина тоже в душе беспечный ребенок, способный на сиюминутные шалости. Правда, его с самого начала изумлял ее ярко выраженный прагматизм. Было заметно, что, когда надо, мышление у нее системное, выдержанное, бескомпромиссное. Когда он ей преподавал уроки на кларнете, с трудом мог преодолевать ее волевые решения, сердился и отступал, не умея ее переубедить. Ему не удавалось добиться ее послушания, и они ссорились, казалось бы, на ровном месте. Антон думал, что его социальный опыт был куда жестче чем у Марины, всё-таки служил четыре года в армии и уживался там в самой непроходимой полевой матерщине. Но перед ее логикой он всегда пасовал, уступал и не решался возразить, предложить свой канал развития их отношений.

Антон и на следующее утро не смог от происшедшего с ним очнуться. Ночью он добрался до своего логова на автомате и поздним утром, проспав начало рабочего дня, сначала попытался восстановить свою память. Не удавалось представить, как же он оказался в своей московской квартире. Наконец он хотя бы додумался позвонить диспетчеру и сказать больным чуть ли не до пневмонии. Снова и снова его тело переживало ощущения случившейся близости с Мариной, какой не было и не могло быть в его прежней жизни. Только к ночи голод запрыгнул к нему в постель, приказал хоть чем-нибудь поживиться. Он наскоро собрался, поставил полный чайник на огонь и чуть ли не на босу ногу выскочил в магазин прикупитьпельмешек. За стойкой неотразимо улыбалась какому-то позднему покупателю знакомая продавщица. Антон разглядел сутулую спину:

– Николай, ты ли это? За коньячком?

– Нет, брат, не хочу. А ты вставай вперед меня. Я еще подумаю, что мне надо.

– Как что? – птичкой проворковала продавщица. – Меня проводить. Да, Коля?

– Если не возражаете, Ксюша. Я подожду.

– Не возражаю. Вот тебе шоколадка. Угостишь меня по дороге.

– О, так я тут третий лишний? Ксюша-дорогуша, дай мне скорей упаковку сибирских говяжьих, а то у меня чайник уже свистит, отсюда слышу. – Антон расплатился, широко поощрительно улыбнулся и подмигнул Николаю.

– Похоже, тебе подфартило, друг. Не дрейфь, Ксюша у нас – то, что надо!

Да, Николаю достались цепкие женские ручки. И веревки будут вить, и пряжу плести. Что еще такому, как он, просить у судьбы? «Теперь за него не страшно», – подумал Антон в двух шагах от своего подъезда и рванул на знакомый свист. Вылив часть кипятка в кастрюльку, отсчитал заветные двадцать одну пельмешку, заправил солью, лаврушкой и перцем. И вдруг совершенно явственно уловил на себе взгляд, точь-в-точь как в кафе у Марины. Оглянулся и стряхнул наваждение. Сердце екнуло, о как перед прыжком с парашютом.

– Ч-черт, а мне-то почему стало страшно? – Антон выложил готовые пельмени в эмалированную миску, заправил маслом и принялся их поедать, не решаясь поднять голову и постепенно загораясь жгучим румянцем. Ему привиделось, что он снова сидит в чем мать родила на виду у своей избранницы, как на ладони.

На службе Антону простили прогул, но загрузили по полной. А ему только это и надо было, потому что голова предлагала на выбор всего два варианта: позвонить самому? Дождаться от нее звонка? Наконец, к вечеру пятницы он набрал ее номер.

- Здравствуй, это я.
- Слышу, привет!
- Ты на меня не в обиде?
- Нет, а ты?
- А я не могу разгадать, как очутился дома.
- Я подвезла тебя к открытию метро. По МКАДу как раз на твою ветку.
- Мне приезжать в воскресенье?
- А почему нет? Мы коду Сулико не разучили.
- Марина, можно я скажу? Поверишь?
- Конечно. Я вообще доверчива.
- Ты моя богиня.
- Достаточно. Остальное при встрече.

Марина отключила связь, но Антон уже всё услышал. Он не был ни осужден, ни отвергнут. И у него всё еще впереди. Возвращаясь домой, мальчишеский победный клич он сдержал, но к подъезду помчался вприпрыжку.

На детской площадке возле своего дома увидел Николая. Тот, похоже, уже давненько его поджидал, трусцой нарезаая круги вдоль забора.

– Кого караулим, сосед? – Антон отстегнул ему легкую насмешку. – Меня ты давеча отшил. Не сообразил на двоих.

– Антон, тут такое дело... Прости. Может, посоветуешь, что и как?

– Заходи. Но не обессудь, у меня пусто.

– А ладненько. Тут к маленькой у меня огурчики с собой. – Он показал припрятанную за пазухой чекушку.

Поспешно проглотив по стопарику, они синхронно захрустели огурчиком.

– Ну, выкладывай как на духу. Хоть я и сам догадливый, нюансы послушать не откажусь.

– Знаешь, честно, я уже года два к ней хожу, смотрю украдкой, как она ловко справляется, а потом ее провожаю, шагов за сто, до самого ее дома. Она через две улицы от нас живет, быстро ходит, иногда не успеваю увернуться, посмотрит назад и еще шагу прибавит. Не получилось заговорить-то. А ты вчера помог, и вот я даже проводил. Она мне так весело о себе рассказывала, я сам, как пацан, смеялся. Забыл, что такое бывает. А как мне дальше-то? Что делать? У нее никого нет, видно. В строгости живет. Я бы на ней женился. А, что скажешь?

– Что скажу... Без женщин нам нельзя на свете, нет. Дерзай, Николай. Не дрейфь.

– А давай, расскажу, как было, – Николай стал рассказывать подробно, в лицах, явно волнуясь.

В который раз Николай прикрыл было за собой входную дверь магазина, как услышал за спиной женский приятный голос.

– Мужчина, вы что хотели?

Не поднимая головы, Николай повернулся и закашлялся, будто в горле его застряла хлебная корка.

– Воды? Выпейте вот, – продавщица протянула ему стакан с водой так, что он невольно подошел к прилавку и осторожно, стараясь не коснуться ее пальчиков, взял стакан и стал пить маленькими глотками. Наконец тихо произнес:

– Спасибо. Полегчало.

– Вы будете что-нибудь покупать? – девушка спросила настойчиво, но нежно и без спешки, без той самой спешки и грубости, с которой продавцы мелких ночных магазинчиков обслуживают своих давних клиентов-выпивохов.

– Я... – Николай, наконец, поднял глаза и взглянул на девушку, стоящую за прилавком магазина, но, словно школьник, тут же отвел взгляд почему-то в пол, а левой рукой сжал в кармане чекушку водки. Чекушка придала ему некоторую смелость. Сколько раз в ней он искал

спасение! Водяра безотказно возвращала ему уверенность в общении с противоположенным полом. Наконец он разжал бутылку. Бутылка при нем, как Николай уже успел в себе подметить, хорошо воспитывала чувство вины! На бутылку можно было, да и безотказно удавалось, списывать все свои неудачные попытки знакомства с девушками. В этот раз он отнял руку от бутылки, не стал ее стискивать пятерней в кармане, а посмотрел на продавщицу маленького ночного магазинчика чуть ли не со слезами.

– Вы, наверное, есть хотите, у вас вид жалобный! – Она смотрела на него сочувственно и говорила с каким-то точно немосковским акцентом. Девушка была прекрасна: кругленькое свежее личико, чистая кожа и щеки, подкрашенные легкими румянами, простая, но не длинная деревенская косичка, плотная сочная грудь, от которой глаз не оторвать. Глаза ее карие смотрели ясно и пристально, без ехидства, но с заметной грустинкой. Грустинка эта, возможно, была вызвана жалким видом растерянно стоявшего перед ней мужчины. У Николая снова запершило в горле. Он был пойман этой прекрасной девушкой и совершенно не представлял себе, как вести себя дальше.

Девушка была, как видно, не из робкого десятка и, когда ее окликнули из подсобки, она резко и громко крикнула:

– Замолчи ты! – и потом проговорила шепотом, будто самой себе. – Моя судьба решается, а ты ко мне со своими коробками лезешь...

– Давайте я вам огурчиков малосольных сделаю, хотите? У вас же в кармане бутылка водки, а денег на закуску совсем и нет, сегодня понедельник, а вы с утра да пораньше... Так уж совсем всё достало, дом – работа – дом? – Николай слушал ее воркование как песню, ту самую, волнительную «любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь».

Он и не помнил, а если даже долго стал напрягаться, то и совсем бы не вспомнил, кто из девушек так просто и без причины ему, тридцатисемилетнему мужику, улыбнулся и сказал одно доброе слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.